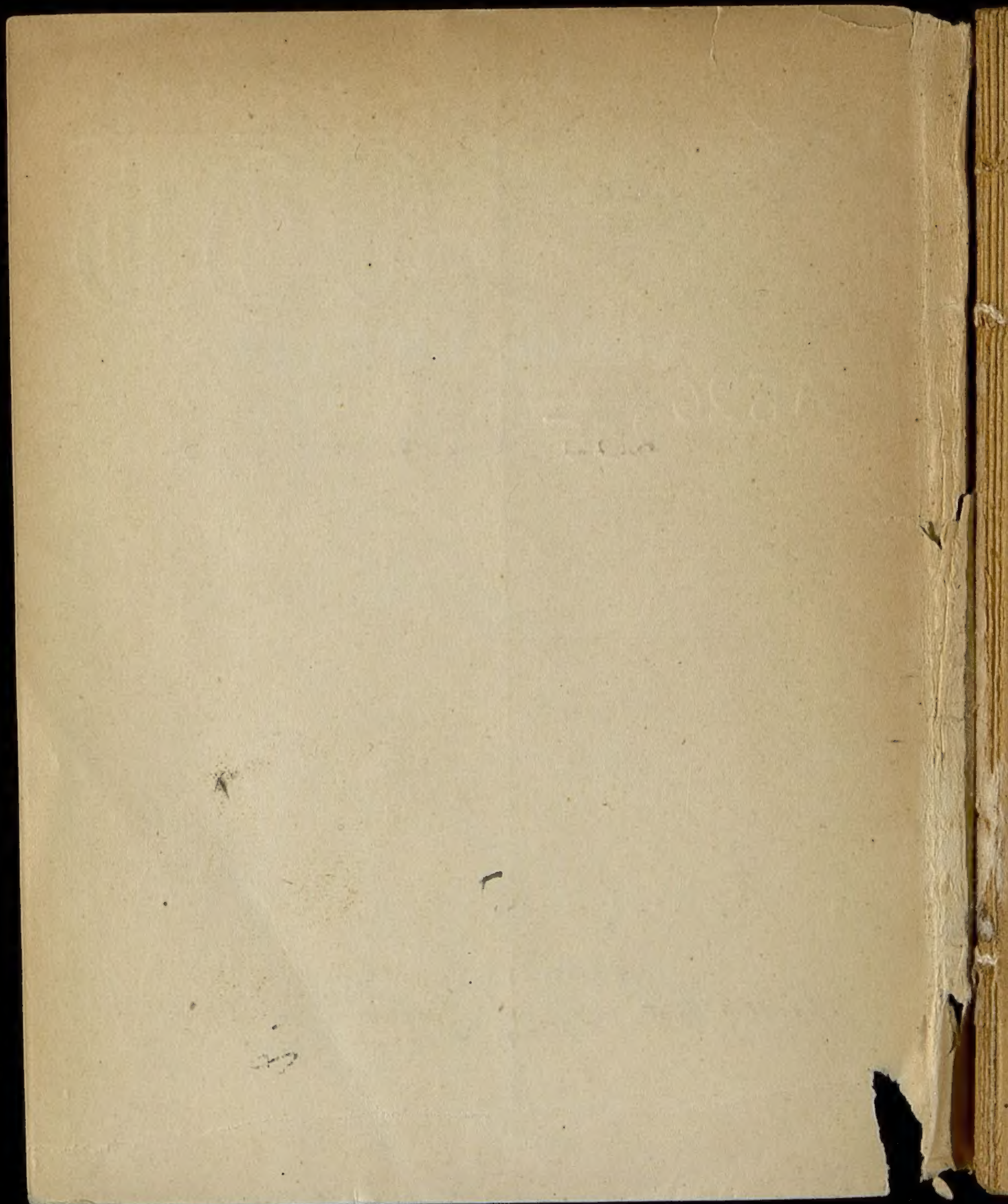
Александр Августынюк

СКВОЗЬ БЛОКАДУ

ЛЕНИЗДАТ · 1945

АЛЕКСАНДР АВГУСТЫНЮК

СКВОЗЬ БЛОКАДУ

(Записки железнодорожника)

Ленинградское
газетно-журнальное и книжное издательство
1945

Героическим железнодорожникам Ленинграда, товарищам по работе, посвящаю.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

ТАК БЫЛО

Темной, дождливой ночью мчится поезд. Машинист, напрягая зрение, смотрит вперед, стараясь разглядеть сигналы. В лицо бьет ветер, хлещет дождь, перемешанный со снегом. Механик на секунду закрывает глаза, торопливо смахивает со лба толстый слой мокрого снега и опять смотрит вперед. А снежная слякоть вновь настойчиво забивает глаза и, тая, стекает за воротник. Машинист знает, что сейчас на всем фронтовом участке железной дороги, на километр друг от друга, идут в Ленинград поезда. Они везут груз фронту и героям-ленинградцам: хлеб, топливо, боеприпасы... Все это шлет страна героическому городу.

А враг близок. Его передний край всего в трех-четырех километрах от железной дороги. С пресловутой немецкой аккуратностью он методически обрушивает на единственную линию магистрали, связывающей Ленинград с внешним миром, тонны снарядов и бомб. Но груз

нужно доставить по назначению, поэтому глаз машиниста должен быть зорок, рука тверда. Водитель не имеет права увеличивать скорость. Если догнать поезд, идущий впереди, — произойдет крушение. А это равно поражению на фронте. Бойцы ждут снарядов; если боеприпасы задержутся в пути, воинская часть окажется обезоруженной перед лицом врага. И машинист смотрит вперед, сознавая свою ответственность перед Ленинградом, фронтом, страной.

В неясной мгле мелькают разрушенные путевые будки, кустарник, телеграфные столбы. Но что это? Впереди блеснуло пламя. Раздался взрыв. Сквозь свист ветра и шум поезда ухо машиниста улавливает характерный визг осколков. Обстрел усиливается. Вспышки разрывающихся снарядов возникают то сбоку, то сзади, то впереди поезда, на миг освещая придорожные кусты и редкие деревья. Выронив из рук лопату, без стона упал кочегар, насмерть сраженный осколком. Через минуту помощник машиниста схватился за голову. Между пальцев его больших, натруженных рук просочилась кровь. Приложив к ране платок, он глубже надвинул на лоб шапку и, посмотрев на манометр, снова подбросил угля в топку.

Новый снаряд оглушительно треснул за тендером. Когда рассеялся дым, машинист увидел, что помощник лежит у топки, уткнув-

шись лицом в рассыпанный уголь. Водитель хотел кинуться к нему.

— Друг!?

Но нельзя оставить регулятор. Вперед, только вперед! Поезд идет полным ходом. Могучая машина невредима, пар клокочет в котле и стремительно мчит паровоз.

Слезы застилают глаза машиниста. Нет, это не слезы. Это кровь. Машинист тоже ранен. Но он почти не чувствует боли. Он смотрит в окно. Вперед, только вперед! Голова его невольно поворачивается к лежащим на полу товарищам. Может быть, они пошевелятся? Нет, помощник и кочегар лежат неподвижно.

Но почему вдруг стало так светло? Это горит зажженный снарядом вагон. Языки пламени, выгибаясь назад, жадно лижут крышу следующего вагона, и вот уже два ярких огненных снопа мчатся вместе с поездом. Механик знает: через несколько вагонов — цистерны с горючим. Надо остановить состав, потушить огонь. Но сделать это сейчас нельзя! Поезд идет по открытому месту. Если остановиться — немцы расстреляют состав. Нужно доехать до леса — там можно укрыться... Наконец, и спасительный лес. Еще сто—двести метров — и поезд остановился. Машинист кинулся к месту пожара и вместе с кондукторами отцепил горящие вагоны. Через десять минут огонь был сбит. Снова стало темно. Немцы не успели при-

стреляться по отблеску пожара и потеряли поезд из виду.

Сгоревшие, исковерканные вагоны оставлять в составе нельзя. Нечеловеческими усилиями люди, обслуживающие поезд, сбросили остатки искалеченных вагонов под откос и сцепили состав. Только теперь машинист наклонился над своим помощником, дрожащими руками расправил его спутанные, окровавленные волосы. Мертв!

Механик поцеловал бледное, перепачканное углем и кровью лицо друга, бережно поднял его и положил рядом с кочегаром. Нет больше с ним его верных товарищей!.. Он отклонил предложение членов поездной бригады перенести тела погибших в вагон и дать ему на паровоз других помощников. Этот рейс они закончат вместе с ним.

И снова стоит у регулятора машинист и смотрит вперед, стремясь во что бы то ни стало нагнать потерянное на стоянке время. Поезд убыстряет ход, освобождая путь идущим за ним составам.

Мелькая, убегают назад километры. Все ближе и ближе Ленинград. Победно звучит гудок паровоза. Груз будет доставлен во-время!

Вот и город Ленина... Поезд останавливается на конечной станции. Раненый машинист, мертвые помощник и кочегар привели его по назначению.

ЧАСТЬ I

ЛАДОГА

Глава 1

„Красная стрела". — Эвакуация заводов. — В блокаде

Экспресс «Красная стрела» шел в Ленинград. Голубые паровоз и вагоны, со свистом рассекая воздух, пролетали мимо станций, оставляя за собой легкое облако пыли.

В вагонах стояла тишина, нарушаемая лишь однообразным стуком колес. Кое-где в купе пассажиры вполголоса перебрасывались словами. Чувствовалась близость врага. В окнах вагонов изредка виднелись разбитые вражескими бомбами дома. Шла война.

Главный кондуктор Михаил Георгиевич Кардаш проходил по коридорам вагонов, то и дело посматривая на пассажиров. Вот у открытого окна с трубкой в зубах стоит майор. Он задумчиво смотрит на уходящие назад селения и леса. «Наверное, едет защищать Ленинград», — думает Кардаш.

У другого окна беседуют два безусых лейтенанта. Новенькие ремни скрипят на их плечах. Оба улыбаются.

«И они на войну едут», — мысленно решает главный кондуктор. Тяжело вздохнув, он выходит на тормозную площадку. Скоро Ленинград. Вот уже показались и пригороды; затем справа потянулись пути сортировочной станции с бесконечными рядами товарных вагонов.

Наконец, поезд остановился у платформы Московского вокзала. Раздались приветственные возгласы, поцелуи.

Кардаш огляделся. Попрежнему шумно в Ленинграде. Как будто и нет войны! Но тут протяжный вой сирены сразу вернул его к действительности. В течение нескольких минут на платформе стало пусто и тихо, и только голубой экспресс одиноко остался стоять у безлюдного перрона.

Немцы были близко. Уже прекратилось движение поездов на Лугу, Гатчину, Пушкин. Под ударами фашистской авиации оказалась магистраль Ленинград—Москва.

И когда через несколько дней Кардаш пришел в кондукторский резерв принимать очередной пассажирский состав, ему сообщили, что движение поездов на Москву прекратилось.

Немцы перерезали железную дорогу в районе Саблино и Поповка.

Это известие ошеломило Кардаша. Куда ему итти, что делать? Он уже не молод. За многие годы работы на транспорте седина покрыла его голову.

Тоска сдавила сердце. Старик побрел к вокзалу. Он прошел вдоль состава. Пусто. Никого!

«Красная стрела. Red arrow. Express», — прочитал Кардаш, и каким-то странным, ненужным показался ему яркий блеск начищенных зеркальных стекол вагонов.

У Ленинграда оставалась еще одна железнодорожная линия. Она вела на восток, через Мгу—Волховстрой на Киров. По этой линии беспрерывно шли товарные поезда. В глубокий тыл, на Урал, эвакуировались ленинградские фабрики и заводы. Один за другим уходили составы, груженные станками и другим заводским оборудованием. Вместе с предприятиями уезжали рабочие, инженеры, служащие. Все на восток! Там создавалось производство могучего советского оружия.

На станции Ленинград товарная Финляндская в очередной состав грузилось имущество Н-ского завода. Вдоль вагонов бесконечными рядами стояли станки, моторы, ящики. Ответ-

ственные детали машин были смазаны тавотом и обернуты промасленной бумагой. Отдельно, огромными кучами высился багаж сопровождающих эшелон. Небольшой кран «Январец» быстро хватал один станок за другим и ставил их на платформы или опускал в полувагоны, где уже копошились десятки юношей и девушек, прикреплявших станки к полу. То тут, то там мелькали фигуры железнодорожников. Это дежурный по станции Корытин, заведующий грузовым двором Трофимов и весовщик Михайлова следили за правильностью погрузки, проверяли крепления.

Когда погрузка закончилась, кондукторская бригада приняла поезд. К составу подошел паровоз. Люди засуетились. Пора уезжать! Веселость и задор, царившие при погрузке, исчезли. Люди, только что копошившиеся вдоль всего состава, разбились на группы. В каждой — уезжающие и остающиеся.

Вот мать обнимает и целует дочь. Она смотрит на нее затуманенными от слез глазами и украдкой крестит. Тут старики-родители провожают сына. Паренек преувеличенно весел и поминутно смеется. Мать, глотая слезы, смотрит на него, пытается что-то сказать, но не может. Раздается протяжный гудок паровоза. Вдоль состава озабоченно пробегает главный кондуктор. Еще минута, свисток — и поезд медленно трогается с места.

26 августа 1941 года из Ленинграда на восток отправился последний пассажирский поезд. 27 августа немцы перерезали последнюю магистраль. Железнодорожная связь города со страной прервалась. Ленинград очутился в блокаде.

Для Михаила Георгиевича потянулись однообразные дни. Он ежедневно являлся в кондукторский резерв, охотно брался за любое дело; однако, проходя мимо стоявшего в парке голубого состава, с грустью смотрел на него. «Неужели я никогда больше не поеду со «Стрелой»?» — думал старик.

Через несколько дней Кардашу объявили, что он будет сопровождать товарные поезда, курсировавшие по линиям Ленинградского узла. — «Пассажирских пока не будет», — сказали ему. Но главный кондуктор обрадовался и этому. — «Какие угодно», — сказал он. — «Лишь бы дело делать».

Глава II

Оберегая грузы. — Всегда на посту. — Диверсант

Но наступил день, когда движение поездов прекратилось совсем. Тысячи вагонов, груженных заводским оборудованием, остались на путях станций ленинградского узла. Немцы

систематически налетали на эти места. Чтобы исключить возможность прицельного бомбометания, железнодорожники растаскивали вагоны по одному, а по ночам все свободные от дежурства люди располагались в различных местах станции, чтобы тушить зажигательные бомбы, сотнями сыпавшиеся на рельсы, на вагоны и на служебные здания. Но случаев загорания вагонов от зажигательных бомб не было. Железнодорожники бесстрашно тушили их.

Дежурный по станции Корытин сидел за столом на распорядительском посту. Записывая в журнал приказ диспетчера о формировании поезда, он одновременно внимательно прислушивался к тому, что делалось на путях. Была объявлена тревога, и резкие выстрелы зениток разрывали тишину.

— Еще одна! Дави ее, каналью! — вдруг закричал кто-то.

— Фи-ю-у! — запело в воздухе. — «Еще партия «зажигалок» летит», — подумал Корытин, продолжая записывать приказ.

И в ту же минуту поблизости что-то резко и коротко ухнуло; яркий свет ударил в глаза. От неожиданности Корытин выронил телефонную трубку. Перед ним на полу вертелась тер-

митная зажигательная бомба, разбрасывая в стороны снопы огня.

Дежурный по станции посмотрел наверх. Распорядительский пост помещался в старом вагоне; бомба угодила в отверстие снятого вентилятора. «Тоже — «прямое попадание», — проворчал он и, схватив «непрошенную гостью» щипцами, выбросил ее в окно. Бомба, описав дугу, упала на землю. Облегченно вздохнув, Корытин снова приложил к уху телефонную трубку.

— Ну, что у тебя там? — недовольно спросил диспетчер. — Чего замолчал? Бомба что ли тебе на башку свалилась?

— Вот именно, — ответил Корытин. — Давай, продолжай. Какие еще распоряжения будут?

Особенно много вагонов скопилось на станции Ленинград товарная Финляндская. Начальник ее, Виктор Иванович Яковлев, энергичный человек с умным, худощавым лицом, неотлучно находился на своем посту, сначала руководя погрузкой и формированием поездов, затем охраняя их от немецких «зажигалок».

Только один раз собрал он составителей, сцепщиков, дежурных по станции, стрелочников и сказал им:

— Друзья! Нас мало, но сделать мы дол-

жны много. Я думаю, что ни один из вас в эти трудные для нашей Родины дни не откажется оберегать грузы, стоящие на колесах.

И никто не отказался от тяжелой, опасной работы. Стрелочник Макаров, составитель Кустов, дежурные по станции Корытин, Власов и другие, вместе со своим начальником, отстояли ценное имущество.

Однажды темной октябрьской ночью Яковлев ощупью пробирался между вагонами к распорядительскому посту. Зажечь фонарь было нельзя: только что объявили воздушную тревогу. Внезапно, справа под вагонами, начальник станции заметил слабый свет. Что бы это могло быть? Яковлев нагнулся. Под соседним составом дрожал луч электрического фонаря.

Затаив дыхание, Яковлев бесшумно полез под вагоны. Сквозь густую тьму он увидел, как какой-то неизвестный вылез из-под состава; длинный шнур тянулся за ним. «Поджигатель!»

Ударом кулака Яковлев сбил диверсанта с ног и с бешенством ударил его еще несколько раз по голове. Диверсант затих.

Сняв ремень, Яковлев скрутил неизвестному руки, затем осмотрел место, где тот только что действовал. Под американским вагоном с ценным грузом, находившимся в самой гуще составов, лежала взрывчатка. От нее тянулся бикфордов шнур...

После этого случая Яковлев усилил охрану станции. Теперь без пропуска здесь нельзя было пройти ни днем, ни ночью.

Глава III

Мы вернемся. — Врагу ничего не достанется

Немцы были близко. Они обстреливали станцию Шлиссельбург. Снаряды рвались на путях, подымая в воздух тучи балласта и пыли.

Части Красной Армии заняли оборону вдоль берега реки. Старинная крепость на острове грозно уставилась жерлами пушек в ту сторону, откуда лез остервенелый враг. Жизнь станции постепенно замирала. Сквозь грохот наших орудий, отвечавших на огонь противника, изредка прорывался тонкий свисток маленького паровоза, торопливо сновавшего по путям. Он собирал стоявшие в разных местах вагоны.

Машинист Александр Михайлович Иванов сердито пригладил непокорный чуб темных волос и, закручивая реверс[1], сказал своим помощникам:

— Ну, посмотрите на милость! Как на-зло рассовали вагоны по всей станции. Поди, собери их тут быстро!

---

[1] Реверс — рукоять управления паровозом, служит для направления машины вперед или назад.

— А ты шевели колесами, — отозвался кочегар, — а то ползаешь, как рак!

Иванов уничтожающе посмотрел на кочегара. Это была красивая девушка, лет восемнадцати. Звали ее Валя Семенова. Открыв дверцу топки, она наклонилась, забирая лопатой уголь с тендера. Белокурые, вьющиеся волосы упали на лоб. Повернув голову, Валя лукаво посмотрела на машиниста.

— Ох, Валентина Ивановна! Много я тебе позволяю. Придержи-ка язык! Ты пока еще всего-навсего кочегар, а я твой начальник. Поняла?

— Виновата, товарищ начальник! — едва удерживаясь от смеха, отозвалась Валя, и принялась усердно забрасывать уголь в топку.

Машинист посмотрел на нее и засмеялся — уж очень комичной показалась ему ее попытка состроить серьезную физиономию. Валя фыркнула тоже, и на паровозе раздался звонкий молодой смех.

Подъехав к группе вагонов механик затормозил.

— Смеются! Смотрите-ка, как им весело! Тут стреляют, а они хохочут! Ну, чего раскудахтались? — раздался около паровоза голос. — Эй, комсомольцы!

Саша выглянул из окна паровоза и увидел главного кондуктора Кардаша. Подняв голову,

старик добродушно смотрел на молодого машиниста.

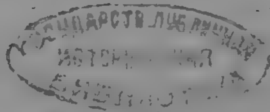
— Ишь, весельчаки! Кончайте свои разъезды. Заберем еще вон ту группу вагонов и двинемся до соснового леса, — сказал Кардаш. — Начальник приказал.

Паровоз двинулся вперед, но почти в ту же минуту на стрелке, закрывавшей вход к вагонам, разорвался снаряд. Стрелка была разбита; вывести вагоны стало невозможно.

— Чорт возьми, — выругался Иванов. — Сколько вагонов достанется немцам!

Однако, раздумывать было некогда. Быстро собрав остальные вагоны, машинист и главный кондуктор вывели состав на перегон к сосновому лесу и остановились, ожидая уполномоченного начальника дороги Шелепина и ревизора движения Морозова, которые еще оставались на станции.

Когда поезд был у поворота, всегда смешливая Валя притихла. Полными слез глазами посмотрела она на остающийся позади Шлиссельбург и прошептала: «Прощай, милый город...» До последней минуты ей как-то не верилось, что придется отсюда уйти, оставить станцию. Даже разрывы немецких снарядов, от которых она невольно вздрагивала, не могли ее в этом убедить, и только когда небольшой паровозик серии «О», на котором она работала кочегаром, надрываясь и скрипя всеми

болтами и скреплениями, потащил непосильный для него состав почти в сотню вагонов. Валя поняла, что надолго расстается с родным городом. Она с тоской смотрела на исчезающие вдали дома, высокую белую церковь, темносинюю гладь бескрайнего озера, похожего на море, и не могла примириться с мыслью о том, что в такой яркий солнечный день творится что-то страшное, непоправимое.

Слева мелькнул одинокий, одноэтажный маленький домик с садиком. Он был пуст, окна заколочены. Глотая слезы, девушка проговорила:

— Саша, взгляни: вот мой дом...

Машинист с грустью посмотрел на девушку, затем на исчезавший вдали город, купавшийся в лучах яркого летнего солнца, и сказал:

— Не плачь, Валюшка! Мы вернемся!..

— Ну, Алексей Семенович, — обратился Шелепин к Морозову, — по приказанию командования надо уничтожить станцию.

— А вдруг не возьмут? — возразил Морозов. — Жалко!

— А вдруг возьмут? — в тон ему ответил Шелепин. — Тоже ведь жалко...

В северном конце станции разорвалось несколько снарядов.

— Слышите? Это — они. Надо торопиться... Когда кончите — идите к сосновому лесу, там ждет поезд, — предупредил Шелепин.

Морозов вошел в вокзал. Сколько раз он бывал здесь и по служебным делам и по личным! Ожидая поезда, он садился на скамеечку на платформе и с удовольствием оглядывал красивое деревянное здание станции, выкрашенное в светлокоричневый цвет.

Еще недавно здесь, на платформе, толпились люди. Мелькали нарядные платья, белые костюмы, загорелые лица. Пассажиры держали в руках корзинки с рыбой, ягодами, грибами. Над перроном стоял гомон веселых голосов. Когда прибывал поезд, все с шутками и смехом бросались в вагоны, стараясь занять лучшие места. Все это вспомнил ревизор, и его старое, морщинистое лицо исказилось болью. Он провел рукой по седой щетине, покрывавшей его давно небритые щеки, и вздрогнул. Да, надо спешить. Сейчас он должен собственными руками разрушить станционное здание.

Сопровождавший Морозова милиционер быстро натаскал в пассажирский зал папки с делами, стулья, скамейки, сделал из всего этого громадную кучу и обильно полил ее керосином.

— Вот и поджигателем стал, — грустно прошептал ревизор.

Милиционер поднес к сложенному костру

горящую спичку. Пламя мгновенно охватило всю кучу. Морозов вышел на платформу. Черный дым клубами валил из дверей и открытых окон здания. Заходящее солнце в последний раз скользнуло лучами по стеклу, окрасив его в красный цвет. На платформе было мертвенно пусто, и только вдали на дороге и на берегу реки передвигались воинские части, готовясь встретить врага.

Морозов перебегал от постройки к постройке — и везде за ним стлался дым, вставали столбы огня.

Наконец, остановившись, Морозов с тоской оглянулся по сторонам. Впереди тоже были дым и огонь. Это горели оставшиеся вагоны. Ничто не должно достаться фашистам!

Невдалеке раздалось несколько взрывов: бойцы подорвали стрелки.

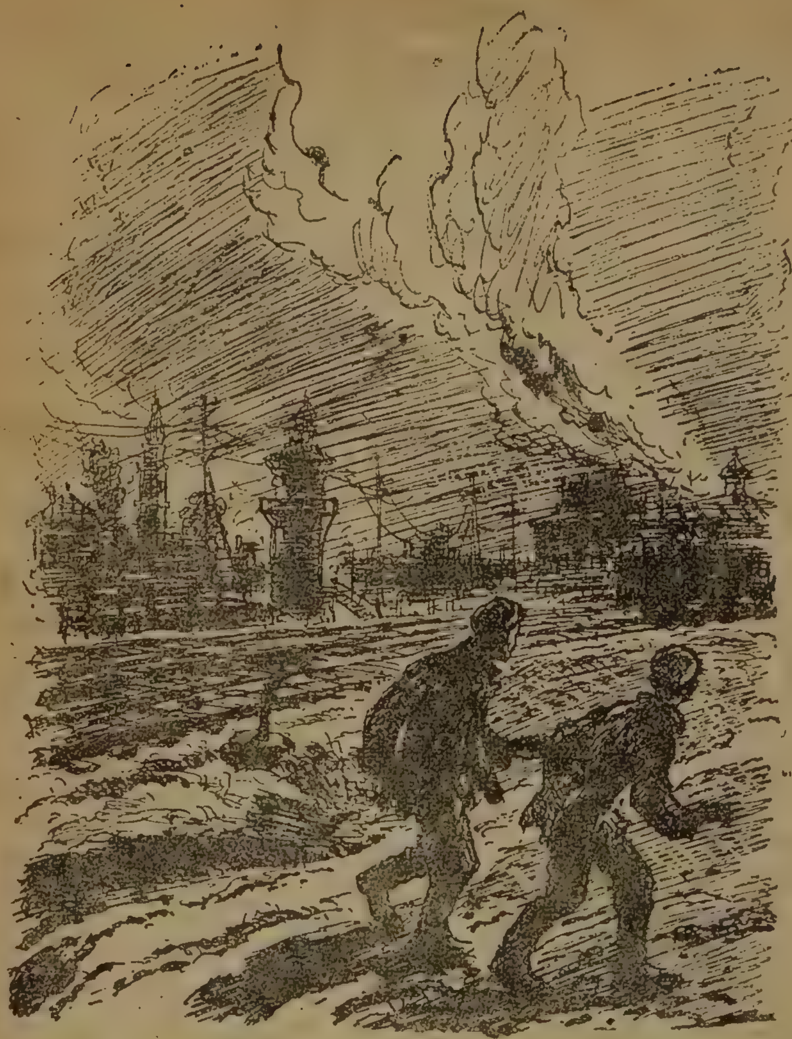
Немного спустя к Морозову подбежал запыхавшийся Шелепин. Лицо его было мокро от пота; он вытер его платком и пригладил редкие светлые волосы.

Остановившись, он хмуро посмотрел вокруг и сказал:

— Пойдем, Алексей Семенович! Все подорвали, все подожгли. Ничего им не останется, будь они прокляты!

— Пойдем, Александр Васильевич!

Оглянувшись в последний раз, они быстро пошли к лесу.

Оглянувшись в поледний раз, они быстро пошли к лесу.

Глава IV

Станция в глуши. — Рождение порта. — „Дорога жизни". — Баржа пошла ко дну

В пятидесяти километрах от Ленинграда, на живописном берегу Ладожского озера расположилась маленькая станция, называвшаяся «Ладожское озеро». Холодные волны омывали большие прибрежные камни, скатываясь обратно на мелкий, почти белый песок. Высокие сосны неумолчно шумели на берегу, раскачиваемые беспрерывными ветрами. Но, несмотря на красивую природу, здесь было пустынно. Ленинградцы не ездили сюда: пугали вечные ветры.

В мирное время до этой станции ходили два пассажирских поезда в сутки и один-два раза в неделю — товарный. И этой-то маленькой станции было суждено прогреметь на всю страну.

На берегу Ладожского озера, клином вдававшегося здесь в сушу, оставалась незанятой немцами полоса земли протяжением в несколько десятков километров. Незанятой осталась и станция Ладожское озеро. И вот, по решению Военного Совета фронта, в районе этой станции в короткий срок был создан большой порт с пирсами, причалами, мощными портальными кранами. Вместо трех путей, проложенных здесь в мирное время, появились десятки

новых. Станция растянулась на несколько километров. Теперь тут деловито сновали паровозы. Пароходы тащили через озеро баржи, груженные продовольствием и боеприпасами. Обратно они везли заводское оборудование, которое до начала блокады не успели вывезти поездами.

Сложным путем — сначала по железной дороге, затем по воде, потом опять по железной дороге — Ленинград поддерживал связь со страной. Чтобы перевезти груз, его нужно было погрузить в вагоны, выгрузить на баржи, а затем опять погрузить в вагоны. Так начала действовать легендарная трасса, прозванная впоследствии «Дорогой жизни». Продолжением ее был железнодорожный путь от Ладоги до Ленинграда.

Один из руководителей Ленинград-Финляндского железнодорожного узла, Александр Тимофеевич Янчук, был ответственным за эвакуацию населения по железной дороге до места первой пересадки. Из Ленинграда ежедневно отправлялось несколько пассажирских составов с женщинами, детьми и стариками. Измученных голодом людей увозили в тыл; нередко они, обессиленные, умирали в пути; мертвых выносили из вагонов; остальные продолжали путешествие.

По приказу Народного комиссариата путей сообщения Янчук организовал пересадку людей на автомобили на станции Борисова Грива. Отсюда шоссе вело к берегу Ладожского озера, где находились специальные пассажирские причалы. Борисова Грива имела всего три пути. Для приема громадного потока пассажиров этого было недостаточно. Тогда в короткий срок были построены дополнительные пути. В двухэтажном деревянном доме около станции организовали пункт для обогревания и питания эвакуируемых.

Как-то в один из поздних осенних дней Янчук прибыл на станцию, чтобы обеспечить быструю эвакуацию группы детей. Поезд привел машинист Александр Иванов. Вместе с кочегаром Валей Семеновой они смотрели, как малыши вылезали из холодных вагонов и, проходя мимо паровоза, махая ручонками, кричали:

— Спасибо, дяденька-машинист! До свидания!

— До свидания, ребята! Счастливого пути! Поправляйтесь! — отвечал им Саша.

Посадка на баржу закончилась, и буксир, дав три коротких гудка, потащил ее за собой.

Иванов медленно осаживал состав, когда Валя, выглянувшая из окна будки, схватила его за руку.

— Смотри, Саша!

Громадный водяной столб поднялся в воздух.

Машинист взглянул в направлении, указываемом Валей, и сердце его замерло от ужаса. Баржа была уже далеко от берега, а над нею, вынырнув откуда-то из-за густых свинцовых туч, кружил вражеский самолет. Сделав крутой вираж, немецкий летчик быстро снизился, открыл стрельбу по барже и сбросил несколько бомб. Он видел, — он не мог не видеть, — что на барже были только дети, и тем не менее не прекращал огня...

С берега захлопали зенитки. Частые облачки разрывов светлым кольцом окружили самолет. Еще выстрел, еще — и немецкая машина, оставив за собой длинный хвост черного дыма, камнем упала в воду.

Однако, страшное дело свершилось. Одна из бомб, сброшенных фашистским стервятником, попала в середину баржи. Иванов услыхал оглушительный взрыв. Громадный водяной столб поднялся в воздух. Когда он осел, на воде плавали только обломки досок и остатки самолета. Ни баржи, ни детей не было видно.

Глава V

Финляндский вокзал. — Петр Федоров

Разбитый бомбой навес над главной платформой Финляндского вокзала металлическими лохмотьями нависал над тысячами людей, сгрудившимися здесь в ожидании поезда.

Всюду возвышались горы тюков с имуществом эвакуируемых. На них виднелись надписи: «Вологда», «Молотов», «Киров», «Ташкент»... Трамвай не ходил, и люди пешком тянулись к вокзалу с различных концов города. Понуро, согнув плечи, ленинградцы тащили свой багаж; на детских саночках везли ослабевших от голода близких, чтобы спасти их от неминуемой смерти.

Посадкой людей в вагоны занимались руководители станции Ленинград пассажирская Финляндская: начальник станции Николай Петрович Солдатов и его заместитель Петр Алексеевич Федоров. Остальные работники станции, вплоть до стрелочников, старались, чем могли, помочь эвакуируемым. Они сами едва держались на ногах от недоедания, но все же перетаскивали им в вагоны багаж, снабжали их кипятком.

Свидетелями многих тяжелых картин были в те дни железнодорожники...

Заместитель начальника станции Федоров наблюдал за посадкой, как вдруг услышал позади себя детский плач. Он обернулся, и увидел сцену, бывшую в те дни в Ленинграде обычной. Около женщины, неподвижно лежавшей на тюках, стояли двое малышей. Они дергали мать за рукав и, жалобно всхлипывая, просили:

— Мамочка, мамуля! Вставай. Идем на поезд. Смотри — все уже уходят!

Женщина не откликалась. Выбиваясь из сил, она только что привезла на саночках багаж и двух своих ребятишек, но затем силы окончательно покинули ее. Она присела на тюки и... умерла.

Петр Алексеевич взял детей за руки.

— Глупенькие! — пытаясь улыбнуться, сказал он. — Ведь мама спит. Она везла вас и устала. Вот мы снесем ее в комнатку, она отдохнет, а вы пока с другими поедете. Потом мама догонит вас, и все будет хорошо.

Старший из ребят, мальчик лет пяти, недоверчиво посмотрел на Федорова и плачущим голосом протянул:

— Да-а, спит...

— Ну, конечно, спит. Вот ведь ты какой хитрый! Хочешь, чтобы мама везла тебя и не устала?

Мальчик затих.

— Ну, ладно. Пускай спит, — сказал он.

Нашлась женщина, которая взяла ребят с собой. Ей передали метрики детей. Мертвую мать унесли. Петр Алексеевич пошел дальше. Как все было ему здесь знакомо! Федоров вырос на Финляндском вокзале: здесь он начал работать стрелочником, здесь же он стал заместителем начальника станции. Он любил свое дело и даже теперь, когда тяжелые месяцы

блокады подорвали его здоровье, он целыми сутками не уходил с работы.

В один из морозных зимних дней немецкие мерзавцы начали обстреливать Финляндский вокзал. Они стреляли по эвакуируемым, сея среди них смерть.

Федоров находился на путях. Он быстро отдал нужные распоряжения. Всех, оставшихся на вокзале, немедленно перевели в парк, и здесь прямо с путей стали сажать в вагоны. Заместитель начальника станции лично руководил маневрами, составляя пассажирский поезд. Но вот снаряды стали залетать и на пути; несколько штук разорвалось вблизи вагонов. К счастью, работы оставалось уже немного: надо было только соединить две части состава. И вдруг очередной разрыв сразил составителя. Федоров кинулся на его место. «Скорее сцепить состав», — мелькнула мысль. Но в этот же миг жгучая боль пронизала его. Правая рука оказалась зажатой между буферами. «Как же состав? Сцепить некому!» — промелькнуло в мозгу Федорова. Напрягая последние силы, превозмогая нечеловеческую боль, он левой рукой накинул стяжку на крюк и, уже без памяти, повис между вагонами на буферах.

Очнулся он на платформе, и первое, что услышали окружавшие его товарищи, был вопрос:

— Ушел поезд?

— Ушел, — ответили ему.

Руку пришлось ампутировать. Но уже через полтора месяца Федоров вернулся из больницы и продолжал работать на прежнем месте. Казалось, ничего не изменилось в нем, только пустой правый рукав шинели был теперь засунут в карман.

Глава VI

„Живой водопровод“. — В Ленинграде

В один из очередных рейсов Кардаш доставил на Ладожское озеро порожний состав. Обратно, в Ленинград, он должен был сопровождать поезд с продовольствием.

Закончив приемку вагонов, Михаил Георгиевич озабоченно посмотрел в сторону озера. Стояла страшная зима 1941—1942 года. Работать было очень трудно. А тут еще как на-зло поднялась метель...

Но вот морщины, прорезавшие лоб старика, разгладились: он увидел, как, медленно пробиваясь через огромные сугробы наметенного снега, одна за другой выползли из снежной мглы тяжело груженные автомашины. Они подъезжали к бесконечным рядам мешков с крупой, мукой, мясных туш, бочек с маслом

и, разгрузившись, вновь уходили в ледяную пустыню замерзшего озера.

— Посмотри-ка, — обернулся Михаил Георгиевич к кондуктору. — Везут! И как много везут! Действительно — «дорога жизни»...

Перед его глазами встали картины голодного Ленинграда. Тяжело вздохнув, он добавил:

— Следи хорошенько за вагонами, — как бы не взломали. Ведь этот груз идет ленинградцам!

Дав еще несколько указаний бригаде, Кардаш пошел к голове состава. Здесь он застал обычную для тех дней картину: от паровоза к водоему растянулась длинная вереница людей, передававших из рук в руки ведра, наполненные водой. Водоразборные колонки не действовали, и воду приходилось брать прямо из водоемов. Расплескиваясь, вода обливала руки людей, оставляя на рукавах толстую ледяную корку. Но люди продолжали передавать друг другу ведра, наполняя тендер водой.

К работавшим подошел дежурный по станции Николай Лисицын.

— Эй, «водопровод»! Веселей качай! — крикнул он. — Поезд отправлять пора!

Люди молчали. Лисицын озабоченно сдвинул на затылок фуражку. Он отлично видел, что всем не до смеха, но по опыту знал, что

порою шутка скрашивает самую тяжелую работу.

— Ну, чем не водопровод, — улыбаясь, обратился он к Кардашу. — Молчит, как полагается неодушевленному предмету.

Люди засмеялись. — Вот зубоскал!

— Ну, и чудо! Водопровод заговорил. Прошу ускорить работу!

Лисицын снял красную фуражку, помахал ею и, потирая озябшие уши, побежал вдоль состава.

Через несколько минут, скрипя на замороженных рельсах, поезд двинулся в путь. Потянулись знакомые северные картины: покрытые искрящимися снежными хлопьями деревья, небольшие перелески, кусты. Вдруг состав замедлил ход и остановился. Превозмогая боль в коленях — следствие цынги, — Кардаш слез с площадки и пошел к паровозу.

— В чем дело? — спросил он.

Машинист молча показал на поваленные бомбежкой большие деревья.

— Правильно, — сказал Кардаш. — Погрузим — пригодится!

Через некоторое время несколько стволов лежали на тендере. Уставшие от непосильной работы, голодные и озябшие кондукторы и паровозники заняли свои места. С довольным видом поглядывая на запас топлива, механик дал продолжительный гудок. Поезд двинулся дальше.

Михаил Георгиевич шел домой. Он спешил: непроглядная тьма уже спустилась на улицы города. Пройдя весь Литейный, старик свернул на Невский... Каким шумным и красивым был до войны этот проспект, залитый по вечерам электрическим светом! Толпы оживленных, хорошо одетых людей спешили по делам, в театры, кино и магазины; весело звенели трамваи, солидно гудели сирены автомобилей. А теперь...

Кардаш остановился и оглянулся вокруг. Теперь, в девятом часу вечера, проспект был пуст и безлюден. Театры и кино не работали, парикмахерские и магазины — закрыты. Редкие прохожие, закутанные в ватники и платки, пошатываясь, брели по панели. Тишина, темнота... Изредка из ночного мрака вырвется узкий луч затемненной фары броневика — и снова темень, мертвая тишина.

Морщась от боли в ногах, Кардаш двинулся дальше, к Московскому вокзалу. Внезапно он наткнулся на что-то длинное, лежавшее на панели. Человек? Да. Но уже мертвый. Когда он умер? Может быть, только сейчас, а может быть — несколько часов назад. Ему уже ничем нельзя помочь...

Угрюмые, черные дома безмолвно стояли вокруг. Нигде ни полоски света. Кардашу стало

жутко. Подняв воротник полушубка и втянув голову в плечи, он быстрее зашагал к своему дому.

Утром Михаил Георгиевич рассказал своим товарищам, почти не бывавшим в городе, о том, что он видел в эту ночь.

— Наш долг — помочь осажденному городу, — закончил он свой рассказ, и все горячо поддержали его.

Поразмыслив, Кардаш предложил машинисту Иванову отвезти на Ладогу двойной состав порожних вагонов. Пусть Ленинград получит груза на один поезд больше!

Иванов с радостью согласился. Двойной состав порожняка был доставлен на станцию Ладожское озеро.

Глава VII

Василий Елисеев. — Первый „тяжеловес". — На сырых дровах

Машинист Василий Елисеев угрюмо смотрел на тендер.

— Чорт знает, что за топливо! Это «добро», наверное, сотню лет пролежало на задворках какого-нибудь завода, а теперь в топку его бросать приходится. . .

Кроме угольной пыли, смешанной с землей, на тендере лежали опилки, сланцы, немного дров.

— Вот и свези тут состав с торфом, — вор-

чал машинист. — А электростанция не ждет! Слыхал — на сегодня для нее топлива не хватит.

Елисеев вздохнул. С болью в сердце вспоминал он о родном городе. Замерзший, засыпанный снегом, голодный, Ленинград стойко боролся с врагом. Нет, тут и думать нельзя о том, чтобы опоздать хотя бы на минуту. Машинист выглянул из будки. Длинный состав был готов к отправлению. Манометр показывал десять атмосфер. Маловато, но ехать можно.

— Ну, тронулись!

Состав плавно двинулся с места. Развивая ход, он шел к Ленинграду.

— А ну-ка, ребята! — сказал Елисеев своим помощникам, — покопайтесь-ка в угле. Отберите, что получше — в одну сторону, а что похуже — в другую.

Помощник и кочегар приступили к делу. Через час справа выросла кучка сносного угля, слева лежало топливо похуже.

— Так, — проговорил машинист, удовлетворенно оглядывая результаты «сортировки». — Значит, вторым рейсом повезем отсюда двойной состав торфа.

— Чего-о? — вытаращил глаза помощник.

— Две тысячи тонн, вот чего, — ответил Елисеев.

Помощник с сожалением и опаской погля-

дел на него. «Рехнулся Вася! И чего только человек с голоду не набрешет», — подумал он. Однако, боясь рассердить своего начальника, промолчал.

На конечной станции, когда паровоз прицепили к порожнему составу, чтобы вывезти его под погрузку на торфоразработки, Елисеев по телефону попросил диспетчера приготовить ему двойной состав.

— Ты, что? Ошалел, что ли? — ответил тот. — Шутки шутишь? Таскай чего дают!

— Я серьезно говорю, — повторил Елисеев. — Свезу, не бойтесь!

— Растянешься на перегоне, только пути закупоришь, — не сдавался диспетчер.

— Да нет же! Довезу. Вы поймите — выгодно-то как! Одним паровозом — два состава!

— Выгодно-то оно выгодно, но как ты это сделаешь? Или, может, у тебя хорошее топливо появилось? Так бы сразу и говорил.

— Топливо какое было, такое и осталось, — возразил Елисеев и, помолчав, добавил: — Ну, так как? Даете двойной состав?

— Чорт с тобой! Рискну, дам. Вези два. Все равно вместе отвечать, если в лужу сядешь.

Василий, довольный, улыбнулся.

— Не забудьте дать мне «зеленую улицу», — бросил он на ходу.

Когда машинист прибыл на станцию, там

уже стояли готовые к отправлению груженные торфом вагоны.

— Сколько весу? — спросил Елисеев.

— Две тысячи тонн.

— Подходяще! — бодро сказал он.

Паровоз прицепили к составу. Машинист взглянул на манометр. Одиннадцать атмосфер. Мало!

— Подкинь-ка дровец, — приказал он кочегару.

Ярко вспыхнуло пламя в топке, стрелка манометра поползла по делениям. «Двенадцать. Хорошо!» — отметил про себя Елисеев.

Протяжным гудком ответил паровоз на свисток главного кондуктора. Машина напряглась, черный столб дыма винтом врезался в небо. Состав вздрогнул от головы до хвоста. Колеса тяжело провернулись на месте. Машинист открыл песочницу. Легкий, чистый песок посыпался на рельсы. Еще несколько усилий, и состав медленно тронулся с места. Елисеев осторожно передвинул регулятор. Поезд пошел быстрее. Теперь задача заключалась в том, чтобы максимально развить скорость. Впереди подъем — на него надо взлетать стрелой.

— Миша! Десять, пятнадцать лопат лучшего! Полешко, второе — вслед! — скомандовал он.

Помощник не отрывал глаз от топки. Паровоз, увлекая тяжелый состав, на большой скорости преодолел подъем.

— Теперь закрыть пар! Экономить! — командовал Елисеев. — Дальше поедем без добавки топлива.

Стремительно пролетают километры. Диспетчер обеспечил «зеленую улицу» — ни одной задержки на станциях! Летит время — летит поезд. Вот и конечный пункт. В тумане морозного воздуха видны здания электростанции. Паровоз, тяжело отдуваясь, остановился. Получай двойную норму торфа, Ленинград!

Отсутствие топлива грозило остановить движение. Весь уголь, который оставался на фабриках и заводах, был отдан железной дороге. Машинисты научились топить опилками, сланцами. И все же топлива становилось все меньше и меньше. Между Ладожским озером курсировало только несколько паровозов. Горы продовольствия на станции Ладожское озеро все росли и росли. Автомашины привозили больше, чем успевали вывозить паровозы. И тогда ленинградские железнодорожники пошли в лес. Зимой в мороз, целыми неделями не выходя из чащи, они валили деревья, пилили дрова. Сначала жили в палатках и шалашах, затем сами построили бараки.

Место, где находились лесные делянки Октябрьской железной дороги, называлось «Каменка». В этом ленинградском «Донбассе»,

как в шутку прозвали железнодорожники Каменку, расположенную в тридцати семи километрах от Ленинграда, побывали все рабочие, служащие, инженеры и техники дороги. Истощенные, больные, они заготовляли дрова, без которых не могли ходить паровозы.

По почину Василия Елисеева все машинисты Ладожской трассы обзавелись пилами, топорами. К скудной норме, которая отпускалась на паровоз, они добавляли свое топливо: поваленные взрывами деревья, старые шпалы, бревна от разбитых домов — все, что удавалось раздобыть в пути.

Паровозные бригады научились обходиться почти совсем без угля, с одними сырыми дровами, — инициатором в этом деле был машинист Кузьма Митьковец. На дровяном отоплении доставлялись даже тяжеловесные составы.

Так были сэкономлены тысячи тонн топлива.

Глава VIII

Ленинградские вокзалы мертвы. — Последние минуты Краева. — „Посмотри, что наделали немцы"

Долго тянулись тяжелые месяцы блокады. Ленинград со всех сторон был окружен врагом.

Пустынно и мертво стало на вокзалах города. Окна зияли черными впадинами. Беспощадная зима громадными сугробами завалила

вокзальные двери. Белая пелена расстилалась на путях, скрывая блестящие рельсы. Пушистые снежные шапки лежали на крыльях семафоров, на стрелочных фонарях. Видно было, что семафоры давно не открывались, а стрелки не переводились. Нигде ни дымка. Паровозы стояли без движения, укутанные толстым слоем серебристого снега. Все замерзло. Мертвую тишину на путях и в депо нарушали только разрывы немецких снарядов.

Машинист Иванов и кочегар Валя Семенова работали на линии Ладожское озеро — Ленинград. Очень часто встречали они Кардаша. Михаил Георгиевич похудел, осунулся, и только глаза его лихорадочно блестели из-под нависших бровей. Он водил в Ленинград поезда с продовольствием, зорко оберегая груз от расхищения. Старик был попрежнему хлопотлив и деятелен, честно выполняя свои обязанности.

Встречая на стоянках Иванова и Валю, он неизменно спрашивал:

— Живем еще, детки? — И сразу же отвечал: — Живем, живем и выживем. Держитесь, ребята, крепче, не поддавайтесь!

И всегда после встречи с Кардашом на душе становилось светлее и легче, и даже на-

строение поднималось, несмотря на то, что хотелось есть, а есть было, в сущности, нечего.

Помощник Иванова — Иван Семенович Краев — умер. Саша знал о нем только то, что тот был когда-то машинистом первого класса и проработал на железной дороге сорок пять лет, из них тридцать пять — машинистом. С Ивановым он работал всего несколько месяцев, был тих и незаметен, но всегда получалось так, что Иванову и обращаться-то к нему не приходилось — у Краева всегда все было в порядке.

К очередной поездке старик пришел, как всегда, в поношенной черной ватной куртке и в картузе с выгоревшим следом силуэта паровоза на околыше, — такие картузы носили старые машинисты. В руках Краев держал железный сундучок. Здесь лежал его паек — 250 граммов суррогатного хлеба, чистое полотенце и мыло.

Старик остановился у паровоза, поставил сундучок на площадку, и взялся за поручни. Но занести ногу на ступеньку он не смог — не хватило сил. Краев поднял к Иванову высохшее, совершенно серое лицо. Давно небритая щетина была примята. В широко открытых,

неподвижных глазах таилась печаль старого, слабого человека.

— Саша, — тихо сказал старик, — помоги.

— Куда вы, дядя Ваня? — забеспокоился Иванов, — ведь вы совсем больны. Идите домой.

— Нет, не пойду. Некуда мне итти. Там у меня, — старик тяжело и глубоко задышал, — там у меня старуха моя, жена, Катя, мертвая осталась. Одна она... И я теперь один...

Старческий подбородок мелко задрожал. Скупые слезы медленно скатились по худым щекам и замерзли на остром подбородке. У Иванова сжалось сердце. Больной, умирающий, сраженный горем, старик все же пришел на работу! Вдвоем с Валей они втащили Краева на паровоз и посадили около топки. Валя оттирала ему озябшие руки, дышала на посиневшие пальцы. Несколько минут старик, как деревянный, сидел на ящике, затем стал валиться на бок. Валя, поддерживая его, заглянула ему в глаза. Блестящие, стеклянные, они неподвижно смотрели на девушку.

— Хорошие вы мои, — прошептал Краев, — товарищи...

...Несколько дней спустя Валя, сдав экзамен на помощника машиниста, заняла место умершего старика; кочегаром прислали молодого молчаливого парня Рыженко.

Иванов работал дни и ночи, не щадя сил. Однако, истощение давало себя знать. Он чувствовал сильную боль в ногах; суставы опухли, а на икрах появились красные точки. Это была цынга. Но Иванов не поддавался болезни. Он постоянно был в поездках, на стоянках старался больше ходить, хотя от нестерпимой боли в коленях часто морщился и скрипел зубами.

Валя с тревогой наблюдала за ним. Когда-то полная, краснощекая девушка, она тоже осунулась, стала бледной и худой, но голод переносила все же легче, чем Саша. В свободные от работы часы она ходила за город, разгребала снег и землю на огородах, пытаясь найти капустные листья и ботву, брошенную эвакуированными владельцами приусадебных участков. С этой добычей Валя приходила на квартиру к Саше и вместе с его матерью Анастасией Андреевной, с которой она крепко подружилась, варила подобие супа и кормила им своего машиниста.

Анастасия Андреевна горестно покачивала головой, глядя, как оба уписывали этот «суп».

— Ах, родные вы мои, такое ли вам надо кушать, — сокрушалась мать.

Маленькая, высохшая, преждевременно состарившаяся в эти тяжелые дни, она жила только сыном. Старушка видела, что Саша всерьез привязался к девушке и радовалась этому:

веселая, энергичная и ласковая Валя нравилась ей.

Валя в Ленинграде была одна. Родители ее, жившие в Шлиссельбурге, эвакуировались в первые дни войны; сидеть одной в пустой нетопленной комнате было тоскливо, поэтому все свободное время она проводила в семье Саши.

Как-то вместе пошли они в город.

— Посмотрим, как там, в центре, — предложила Валя. — Давненько там не была...

Вернулись они подавленные и молчаливые. Их поразили пустынные дома с развороченными стенами и разбитыми окнами, безлюдные улицы с неубранными громадными кучами льда и снега, с застывшими и вмерзшими в мостовую троллейбусами, трамваями; одинокие фигуры, везшие на саночках на кладбище завернутых в тряпки скончавшихся близких.

Саша показал рукой на небольшую очередь людей, молчаливо стоявших у проруби на Фонтанке:

— Смотри, Валя, что наделали немцы! Ленинградцы даже воды не имеют. Проклятые фашистские гады!

Потом он замолчал и всю дорогу не сказал ни слова.

...Через два дня Иванов доставил в Ленинград состав в две с половиной тысячи тонн весом.

Глава IX

Пожарники. — Радость. — „Ладожская стрела“

Михаил Георгиевич поднялся рано утром, чтобы итти в очередной рейс. Старик с трудом встал на ноги. Суставы ног сильно распухли; кожа стала синевато-белой. Украдкой взглянув на жену, Кардаш поспешно сунул ноги в валенки и встал. От сильной боли на глазах выступили слезы. Обычно неунывающий, Михаил Георгиевич помрачнел. Неужели не дойти?

— Женя! — позвал он жену. — Дай-ка хвойной!

Он выпил стакан приготовленного женой настоя из хвои, заменявшего ленинградцам витамин С. Крякнул. Определил:

— Га-дость! Вот тминной бы — это да!

Но время не ждало: надо было спешить. Пошевелив ногами, он бодро сказал:

— Хм!.. Кажись, меньше болит. Дойду!

Жена умоляюще протянула к нему руки.

— Молчи, — предостерегающе бросил старик. — Все равно пойду.

Сокрушенно покачав головой, жена поставила на стол тарелку пустых щей из серых капустных листьев и желе из столярного клея.

— Ой, молодчина ты у меня! — обрадованно воскликнул Кардаш. — С тобой не пропадешь!

Немного погодя, прихрамывая, он уже шел по улице.

У главного перрона Финляндского вокзала Кардаш встретил Иванова.

— Как дела? — спросил он.

— Видишь, за водой приехал, — ответил механик. — Водоснабжение по последнему слову блокадной техники.

Вокзал был пуст и безлюден, только несколько пожарных суетилось около локомотива. С помощью шлангов они снабжали паровозы водой. С боку тарахтела мотопомпа. Через водяные колодцы она высасывала воду из недр толстых водопроводных труб. Высокий, худой инструктор, одетый в длинное брезентовое пальто, зло кричал на пожарных:

— Эй, вы, черти огненные! Аккуратнее лейте. Это вам не в огонь!

Набрав воду, паровоз, весь белый от инея, тронулся за составом. Но помпа продолжала трещать. Она трещала день и ночь, толкая воду по шлангам. Когда не было паровозов, воду гнали через рукава под платформу, выливая ее в бездействующие сточные колодцы. Минутная остановка на морозе могла превратить мокрые шланги в ледяные палки. Однако, все же мороз победил: вскоре вода исчезла. Но выход был найден и здесь. С одного из

тупиков станции Ленинград пассажирская Финляндская бойцы железнодорожного батальона проложили путь вдоль переулка, что у улицы Комсомола. На льду Невы в деревянной будочке установили мотопомпу. По толстому ребристому шлангу, поднятому вверх на откос берега, мотор погнал воду в тендер паровоза, стоявшего высоко на рельсах нового тупика.

Проблема снабжения паровозов водой была разрешена.

Иванов и Валя доставили тяжеловесный состав на Ленинград-сортировочную-Московскую и сдали паровоз смене. Они были в поездке двое суток, сделав за это время несколько рейсов. Усталые, оба двигались молча. Прошли мимо недостроенных и разрушенных бомбами корпусов Щемиловки. Вот и Володарский мост. Как далеко еще итти! Валя жила у Финляндского вокзала, а Иванов — еще дальше. Начинало темнеть. Набережная была пустынна.

— Посидим, — предложил Иванов.

— Не стоит, Саша. Потом еще труднее будет. Лучше давай двигаться потихоньку.

Сзади послышался шум мотора приближающегося автомобиля. Валя радостно обер-

нулась. «Остановим!» Она подняла руку. Полуторатонка остановилась.

— Куда? — коротко спросил военный шофер.

— Поближе к центру, — ответила Валя.

— Можно. Мы на Финляндский.

— Годится! — воскликнула Валя и вместе с Ивановым быстро залезла в кузов. Здесь уже сидело несколько военных. Машина помчалась дальше. Утомленная дорогой Валя задремала. Вдруг внимание ее привлек разговор военных. Она прислушалась. Речь шла о каком-то пассажирском поезде. Она удивилась.

— Откуда и куда пассажирский?

— А вы и не знаете? С сегодняшнего дня постоянно будет ходить поезд до станции Ладожское озеро, — ответил один из военных и пошутил: — А еще железнодорожница!

Вот и Финляндский вокзал. Машина круто завернула к тротуару и остановилась. Взволнованные неожиданной новостью, Иванов и Валя, несмотря на усталость, прошли на платформу. Здесь происходило что-то необычайное. В темноте ясно виднелись три красных огня, расположенных треугольником, вершиной вниз. Валя и Иванов радостно переглянулись.

— Поезд! Настоящий пассажирский!

Раздался гудок паровоза, и красные огни стали медленно удаляться. Как зачарованные,

смотрели Саша и Валя вслед огонькам. Первый пассажирский поезд за время блокады!

Пассажирский поезд на Ладогу — «Ладожская стрела», как ласково прозвали этот состав железнодорожники Октябрьской, — отправлялся из Ленинграда в 19 часов 05 минут. Эта «Стрела» состояла из обыкновенных пригородных вагонов, не освещавшихся и в первое время даже не отапливавшихся. Но этот поезд связал город Ленина со всей страной. Пассажиры ехали со «Стрелой» до станции Ладожское озеро: оттуда — все той же «Дорогой жизни» — на автомобилях по льду озера, зачастую под вражескими бомбами, переправлялись на другой берег, где вновь садились в поезд и следовали дальше, в Москву или на восток.

Поэтому в то время, как остальные вокзалы города стояли с заколоченными дверьми, Финляндский вокзал снова ожил. К шести часам вечера здесь начиналось оживление. Со всех концов города сюда стекались люди с чемоданами, свертками и прочим ручным багажом. Это ехали в командировку военные, работники городских организаций.

Ровно в 19 часов 05 минут над Финляндским вокзалом раздавался гудок паровоза, и «Ладожская стрела» отправлялась в путь.

Глава X

„Северная“ и „южная“. — На Ладожском узле. — Шевченко. — Парторг Аристов. — Один за двоих

Фронт разрезал Октябрьскую дорогу на две части. Часть, оставшаяся в блокаде, стала называться «северной», другая часть — «южной». Центр ее расположился в Бологое. На «северной» части фактически действовал только Ладожский узел. Туда были направлены сильнейшие, опытнейшие железнодорожники.

В числе прибывших на Ладожское озеро был и заместитель начальника станции Ленинград товарная Варшавская Константин Терентьевич Шевченко. Явившись к вновь назначенному начальнику Ленинград-Финляндского отделения Александру Тимофеевичу Янчуку, он четко доложил:

— Заместитель начальника станции Ленинград товарная Варшавская, Шевченко, направлен в ваше распоряжение.

Янчук внимательно посмотрел на Шевченко. Ему понравились открытый взгляд и широкое, резко очерченное лицо нового работника.

— Вы назначаетесь заместителем начальника станции Ладожское озеро, — сказал он. — На вас возлагается большая ответственность. Предстоит много работы. Станция требует хо-

рошего хозяйского глаза. Помогите начальнику станции.

— Постараюсь оправдать доверие, — ответил Шевченко.

Работы, действительно, оказалось много. Станция не выполняла измерителей, ее технические возможности использовались слабо, и на первых порах Шевченко даже несколько растерялся.

Секретарем узлового парткома прислали Григория Ивановича Аристова. Шевченко и он понравились друг другу. Они быстро нашли общий язык и вдвоем принялись за дело.

Аристов организовал соревнование смен на увеличение погрузки, за ускорение сроков формирования поездов. У всех пунктов погрузки, на всех постах, появились лозунги, боевые листки, доски с показателями лучших образцов труда. Показатели эти постоянно освежались. Острые карикатуры били по больным местам. Всюду виднелись красочные плакаты: «Ладожец! Помни, — Ленинград ждет боеприпасов и продовольствия!». Секретарь парторганизации интересовался каждым человеком. Коммунисты и комсомольцы станции, дежурные Ашихман, Пржепиорский, грузовой диспетчер Кира Петрова и многие другие, вместе с лучшими беспартийными работниками активно помогали улучшать измерители. По передовикам равнялись остальные.

Стрелочник Осип Терещенок был угрюмый человек. Он равнодушно выполнял свои обязанности, на субботники не выходил, и, отдежурив положенные часы, жизнью станции не интересовался. Стрелки, которые он обслуживал, всегда были грязные.

Аристов решил поговорить с Осипом с глазу на глаз и пригласил его к себе в кабинет. Но в назначенное время Терещенок не явился. Тогда Аристов пошел к нему сам.

Стрелочник сидел один в общежитии и чинил сапог. Мельком взглянув на вошедшего, он продолжал ожесточенно ковырять шилом.

— Здравствуйте, товарищ Терещенок, — приветствовал его секретарь парткома.

— Здравствуйте, — не поднимая головы, ответил стрелочник. — Зачем пожаловали? Если зря — то мне недосуг, — делом, видите, занят.

...Полтора часа просидел Аристов у Терещенка. Много душевных усилий пришлось затратить секретарю парткома, чтобы узнать, что заставляет Терещенка избегать товарищей, равнодушно относиться к жизни станции. Наконец, он разговорился. История, которую услышал Аристов, была обыденной. Терещенок, давно оторванный от семьи, тосковал по жене и детям.

— На «той стороне» остались, — рассказывал он, отложив сапог в сторону. — На душе тоска. Работа нелегкая, инструмента нехватает. Живу, как пес. А тут еще никто слова толком не скажет. Ну, и стало у меня все из рук валиться... Отдежурю, лягу на койку, закрою глаза, — так бы ни о чем и не думал...

— Не дело делаешь, Осип Игнатьевич, — сказал секретарь. — Тебе, конечно, тяжело, но от того, что на койке лишний час пролежишь, своих скорее не увидишь. Надо иное что-нибудь придумать. Ты только тогда к семье попадешь, когда мы врага разобьем. А для того, чтобы врага разбить, надо нашей Красной Армии отличной работой помогать. А как ты помогаешь? Плохо. На твоих стрелках того и гляди крушения дождешься...

Стрелочник был задет за живое.

— Ладно, — сказал он. — Кое-что я понял.

Утром, проходя мимо поста Терещенка, Аристов заметил, что стрелки были отлично вычищены.

Благодаря дружным усилиям всего коллектива за короткое время были ликвидированы аварии при маневрах.

Особенно выделялись своей неутомимостью и мастерством дежурный по станции Николай Лисицын и составитель Гайдучек. В характере

Лисицына была одна особенность: чем труднее и сложнее складывалась обстановка, тем веселее и оживленнее он становился. Под стать ему был и Гайдучек. Составитель отличался особой культурой в работе. Все поезда, которые он формировал, составлялись точно по правилам и раньше положенного срока.

Однажды на станции был получен приказ — срочно сформировать состав со специальным грузом и отправить его в Ленинград. В это время налетели немецкие самолеты. Через ровные промежутки времени они стремительно снижались, давали по станции несколько пулеметных очередей и, быстро взмыв вверх, скрывались в облаках.

Не обращая внимания на стервятников, Гайдучек спокойно подавал сигналы. Из будки паровоза время от времени выглядывал Саша Иванов. Он следил за сигналами составителя и выполнял нужные передвижения.

Ранило сцепщика. Побледнев, он присел на край канавы.

— Куда ранило? — кинулся к нему Гайдучек.

— В руку. Немного... Продолжай, а то опоздаешь, — стиснув зубы, ответил сцепщик. Составитель подбежал к паровозу.

— Механик! Шевели живее колесами. Осталось пятнадцать минут, — крикнул он Иванову.

— Знай, посвистывай, дударь, — огрызнулся Саша. — За мною дело не станет.

Расцепив вагоны, составитель подал сигнал с такими переливами, что Валя высунулась из будки паровоза. Гайдучек на ходу подмигнул ей.

— Что, девушка, страшно? — и побежал дальше.

...Дежурный по станции взглянул на часы. Срок формирования состава истекал, а сцепщик выбыл из строя. Где же тут одному составителю управиться?

Между вагонами мелькнула фигура Гайдучка. — Эй, Гайдук! Не сделали мы состава, а? Засыпались? — окликнул его Лисицын.

— Почему не сделали? Сделали.

— Как сделали? Так ведь ты один, без сцепщика!

— Ну, не совсем один, — засмеялся Гайдучек. — С помощником. Вот он летит!

Треск пулеметной очереди снова раздался над крышей. Заметив удивление Лисицына, Гайдучек пояснил:

— Он стрелял, а мне от него бегать пришлось. Ну, вот, быстрее, чем надо, и вышло...

Глава XI

Ладога летом. — „Вагонный поселок". — В часы отдыха

Лето 1942 года было в разгаре. Ладога работала неутомимо. Караваны судов и барж

с продовольствием и боеприпасами причаливали к пирсам. Сотни грузчиков таскали из вагонов наполненные продуктами мешки, катили бочки.

Большие подъемные краны выгружали из барж тяжелые ящики и осторожно ставили их на платформы. На одном участке порта горючее перекачивалось из наливных барж в цистерны; на другом выгружали уголь. Одновременно горючее всех видов перекачивалось и по бензопроводу, проложенному зимой по дну озера; один конец его находился на восточном берегу, а второй — около одной из железнодорожных станций в районе порта Ладожское озеро.

Ленинград получал через Ладогу все, вплоть до электроэнергии из Волховской ГЭС, которая подавалась в город по кабелю, также проложенному по дну озера.

Немцы много раз пытались закрыть эту последнюю отдушину Ленинграда, но усилия их были тщетны. Узкая полоса воды, соединявшая два берега, оставалась в наших руках. Ежедневными налетами на пирсы и железнодорожные пути фашисты пытались дезорганизовать работу порта; однако зенитный огонь был настолько плотным, что немецкие стервятники не могли подступиться к жизненным точкам узла.

Неистовствуя, враг начал бросать бомбы с громадной высоты, без прицела. Но эта бес-

системная бомбардировка причиняла мало вреда. На территории станции, в разных местах, зияли огромные воронки; в них стояла дождевая вода и ребятишки пускали тут бумажные кораблики.

Один за другим шли груженые поезда — в Ленинград и из Ленинграда. В город прибывало все больше продовольствия, боеприпасов, различного оборудования. Начал поступать уголь. Блокированный Ленинград направлял в тыл изделия своих заводов и фабрик, станки, машины, электрооборудование. Станция «Ладожское озеро» превратилась в большой железнодорожный узел. Хилый станционный домик, стоявший здесь до войны, был капитально отремонтирован. Около вокзала разросся садик с газонами и скамеечками, окруженный низеньким заборчиком. Справа за вокзалом сквозь сосновую рощу виднелась синяя гладь озера.

Картина казалась такой мирной, спокойной, что трудно было предположить близость фронта. Не верилось, что враг систематически бомбит этот уютный уголок — маленькие домики, рощу, палисадник.

На Ладоге работало много людей. Здесь были военные, моряки, железнодорожники, женщины-ленинградки. Зимой все они жили

в бараках, на баржах, а летом — в палатках и шалашах. Все жили одной, дружной семьей.

Железнодорожники размещались в вагонах, укрытых в лесу. В вагонах было тесно; освещались они тусклыми керосиновыми лампами. Душой этого своеобразного «Вагонного поселка» был дежурный по станции Николай Лисицын. В его купе постоянно собирались товарищи. Они играли на гармонике, на гитаре, рассказывали друг другу разные истории, читали вслух свежие номера газет, пили чай, а если случалась водка — и водку.

Лисицын был человек веселый. Его не надо было долго упрашивать позабавить товарищей занятной историей. Пристанет кто-либо из друзей: — «Коля, соври что-нибудь, чтобы посмешнее», — и Коля охотно начинал рассказ, каждый раз новый, но всегда остроумный и интересный.

Но бывало, что повествование внезапно обрывалось: за окном раздавался протяжный вой сирены. И тогда смех сразу же смолкал; все кидались к выходу, спешили на свои посты. Когда бомбардировка кончалась, люди возвращались обратно. Иногда кого-нибудь не досчитывались. Тогда в вагонах становилось тихо. Если же все обходилось благополучно, снова раздавался смех, веселые возгласы, шутки. Но коротки были часы отдыха на Ладоге. . .

Глава XII

Обещание дано. — Прогулка по городу. — На пирсах. — Цистерны плавают!

— Так вот, товарищ Шевченко. То, что вы многое сделали на станции, это хорошо. Однако, поездов даете пока еще недостаточно. Ленинграду нужно гораздо больше грузов. Я требую самых решительных действий. Надо усилить погрузку, увеличить число отправляемых поездов.

Янчук остановился, взглянул на заместителя начальника станции и снова стал шагать по кабинету.

— Все необходимое для станции вы получите, — продолжал он. — Многое вы уже получили. Что нужно вам еще, чтобы выполнить новое задание?

— Ничего не нужно, товарищ начальник. Задание понятно и будет выполнено. Разрешите итти?

— Идите. Желаю удачи.

Когда Шевченко вышел, Янчук обратился к своему заместителю:

— Выполнит. Вот увидите. Однако, надо будет съездить на станцию, помочь ему.

До отхода «Ладожской стрелы» оставалось три часа, и Шевченко решил пойти в город. Он знал, что враг продолжал систематически

обстреливать улицы Ленинграда, забрасывать снарядами больницы, театры, детские сады, квартиры, трамваи. Но он знал и о том, что ленинградцы не только отстаивали свой город, но и заботились о его благоустройстве. В апреле 1942 года сотни тысяч истощенных людей вышли на уборку дворов, улиц и площадей. Следы жестокой блокадной зимы — огромные ледяные глыбы, горы слежавшегося мусора и смерзшихся нечистот — были сколоты, собраны, вывезены, и город опять засиял чистотой асфальтовых улиц.

На углу Невского Константин Терентьевич увидел необычайную, поразительную картину: весело звеня, по проспекту катился трамвай. Вряд ли какое-либо новое чудо техники могло так поразить ленинградцев в те дни, как поразил их вид пассажирского трамвая. Ленинградцы провожали вагоны восхищенными взглядами и — что греха таить — кое-кто даже садился и проезжал пару остановок без всякой надобности: просто приятно было снова ехать в трамвае.

Шевченко узнал и другие новости: в городе открылось несколько бань. Правда, их было еще мало, и билеты на право помыться выдавались в те дни на предприятиях, но все же это событие радовало всех... На одном из углов Константин Терентьевич заметил афиши: начало действовать несколько кинотеатров.

Радостным вернулся Шевченко на свою станцию. Обо всем виденном в Ленинграде он рассказал на собрании. Тут же он обстоятельно сообщил коллективу и о новом задании, полученном от руководства дороги.

— Вы видите, товарищи, как много сделали ленинградцы в борьбе с врагом. Мы должны им помочь, должны дать городу возможно больше груза, — заключил он. — А для этого я предлагаю начать формировать продовольственные поезда на станциях погрузки Ладожского узла и с места отправлять их в Ленинград, не переформировывая на станции Ладожское озеро. Это сократит время нахождения поезда в пути, ускорит оборот вагона и позволит увеличить погрузку продовольствия для героических ленинградцев.

Предложение было единодушно поддержано. Через день был сделан первый опыт.

На месте погрузки, у пирсов, поезд формировали Гайдучек, Лисицын и сам Шевченко.

— Ну, смотри, Гайдук, — ухмыльнулся Лисицын. — Оконфузишься — барахло будешь, а не составитель.

— Давай, начинай! — коротко ответил Гайдучек.

Состав был сформирован за двадцать пять минут — на десять минут раньше срока. Поезд прошел мимо станции без остановки; под погрузку были поставлены новые вагоны. Шев-

ченко торжествовал. На всех постах появились плакаты с призывом следовать примеру передовиков. С этого дня Ладога начала давать в сутки на 2—3 поезда больше прежнего.

Через несколько дней Янчук по телефону известил Шевченко, что из Ладожского узла на юг должны быть отправлены цистерны — часть запаса, который имелся на дороге. Шевченко удивился. — «Начальник что-то не того», — подумал он. — «По воде, что ли, хочет он их отправить?». Но вслух сказать этого не посмел и только осведомился:

— А как их отправлять?

— По воде.

— По воде-е? — опешил заместитель начальника станции. — Вплавь?

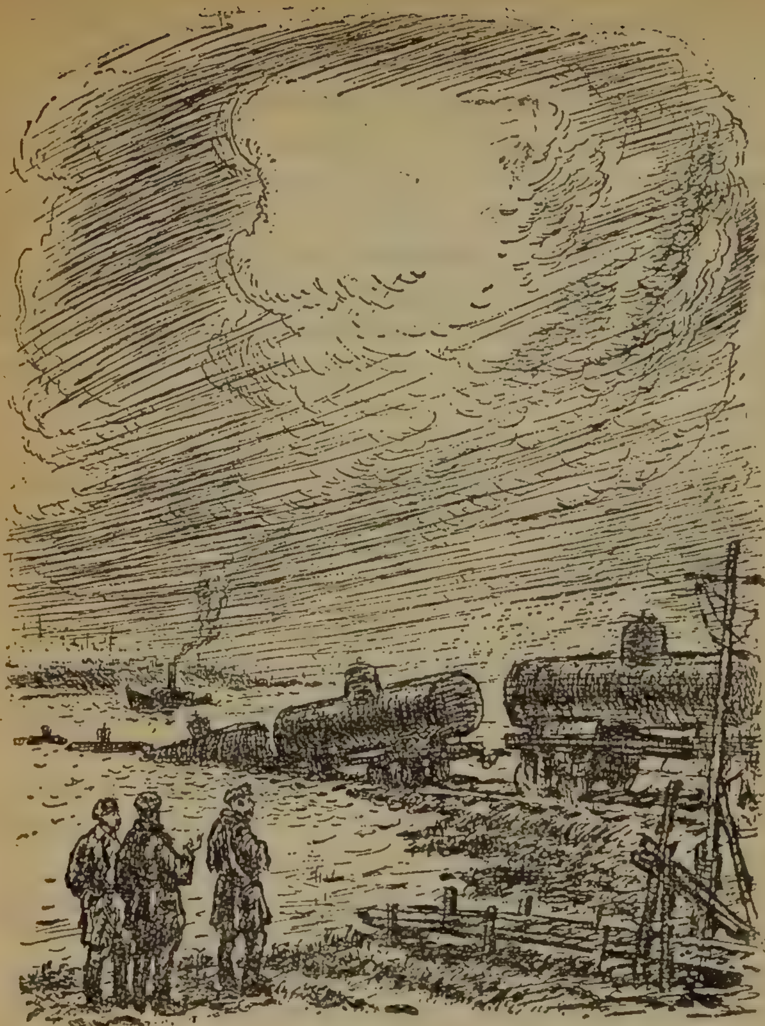
— Да, вплавь.

— Вот это здорово! Первый раз слышу.

— Первый раз и увидите, — засмеялся Янчук.

За несколько дней был построен путь, который по отлогому берегу спускался в воду и на несколько десятков метров уходил по дну в глубь озера. Путь укладывали железнодорожники и водолазы.

Наконец, настал день эвакуации цистерн. У «слипового» пути, — так называлась ветка, по которой предполагалось спускать цистерны

Цистерны одна за другой уходили в воду...

в воду, — собрались почти все работники узла. Вблизи берега на воде покачивался буксир; на соседнем пути стоял паровоз и пять цистерн. Тележки цистерн были тщательно прикреплены к резервуарам, а сливные трубы плотно закрыты, чтобы внутрь не попала вода.

По сигналу паровоз осторожно начал толкать цистерны к «слиповому» пути. На уклоне они потянули паровоз вниз, а он, упираясь, потихоньку спускал тяжелые резервуары к воде. Все, затаив дыхание, следили за происходящим.

— Утонут, — проговорил кто-то.

— Паровоз утащат! Смотрите, как он упирается — не поймешь, кто кого везет! — воскликнул другой.

— Не утонут — они ж пустые внутри, — успокоил третий.

Тем временем первая цистерна до половины ушла в воду. Паровоз, выбрасывая клубы дыма, продолжал спускать остальные.

— Поехали к рыбам, — уверенно заметил железнодорожник, только что выражавший опасение, что «цистерны утащат паровоз».

Но вот, расступаясь, зашумела вода. Цистерна, находившаяся под водой, медленно всплыла, — над поверхностью появился наливной колпак и одна треть резервуара.

— Ура-а-а!! — закричали вокруг. — Поплыли!

Машинист смелее двинул машину. Цистерны одна за другой уходили в воду и всплывали на поверхность. Когда последняя цистерна оказалась в воде, паровоз, зашедший передними колесами в озеро, отцепили, и он выкарабкался обратно на берег. К цистернам, чуть покачивавшимся на водной поверхности, подошел буксир, прицепил их и, дав три гудка, тронулся с места. Резервуары, вытянувшись в одну линию, послушно поплыли за ним.

— Ну, и дела! — восхищенно сказал Гайдучек. — Поезда по воде пошли!

— Теперь тебе только остается научиться маневры в воде делать, — пошутил Лисицын.

Цистерны медленно скрылись из вида. На противоположном берегу был проложен особого устройства путь, по которому паровоз при помощи тросса вытащил цистерны на берег.

Так были эвакуированы железнодорожные цистерны из Ленинграда.

ЧАСТЬ II

„КОРИДОР СМЕРТИ“

Глава 1

Блокада прорвана! — Дорога на „Большую землю“.— Первый поезд. — На новую работу

18 января 1943 года весь мир облетела радостная весть: блокада Ленинграда прорвана. Ликование ленинградцев было беспредельным. Блокада была прорвана, но еще не снята. Город-фронт требовал все больше и больше вооружения и боеприпасов, чтобы нанести сокрушающий удар врагу. Предстояло доставить много груза, а это могла сделать только железная дорога, связывающая Ленинград со страной.

Как только затихла битва у Шлиссельбурга, на место недавних ожесточенных боев, на узкую полосу земли между Ладожским озером и новой линией фронта, пришли военные железнодорожники: строители, движенцы, паровозники, путейцы, связисты. Под непрестанным огнем врага, засевшего на Мге, началась

героическая стройка. Зимой, в невиданно короткий срок, который в мирное время показался бы немыслимым, — в две недели — Ленинград был соединен с «Большой землей» железной дорогой. Она пересекала Неву, врезалась в высокий песчаный берег, выходила на открытое место, далее шла вдоль старинных каналов времен Петра I и, извиваясь, скрывалась в лесу, дерзко проходя в ряде мест недалеко от переднего края врага.

Одновременно с укладкой пути, на сваях строили мост через Неву. Он едва возвышался над водой, ширина его была такова, что человеку при встрече с поездом некуда было деваться. Если смотреть со стороны, то казалось, что поезд идет прямо по реке. Два месяца спустя построили другой мост, высокий и красивый. Его строили тоже под жестоким обстрелом. Но и старый мост еще долго служил свою службу.

Никогда не забудут железнодорожники Ленинграда торжественный день прибытия первого поезда с «Большой земли».

Было хмурое февральское утро 1943 года, шел мокрый снег. Задолго до прибытия поезда на перроне Финляндского вокзала собрались представители советских и партийных организаций города. На платформе было тесно от

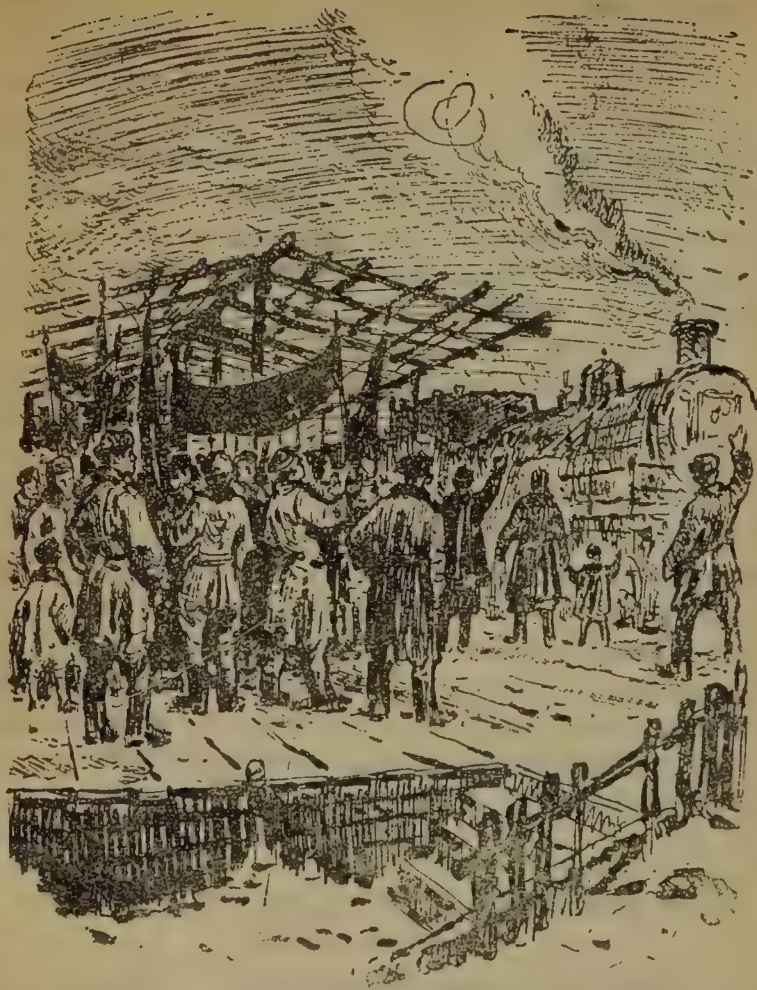
железнодорожников и гостей, прибывших отметить радостное событие.

В конце перрона возвышалась трибуна, ярко освещенная светом юпитеров. В воздухе стоял многоголосый шум: люди были не в силах сдерживать волнение. Ведь в Ленинград с «Большой земли» шел прямой поезд — первый после полутора лет перерыва! Вдали раздался протяжный гудок. Вот и поезд. Он медленно подошел к перрону. Голова поезда была украшена портретами вождей и красным плакатом: «Привет героическим защитникам Ленинграда».

На передней площадке паровоза стояли люди. Они махали платками, что-то кричали. В ответ под сводами вокзала прокатилось громогласное «Ура-а-а!!»

...В жизни человека есть минуты, когда слезы радости и восторга подступают к горлу. Не нужно стыдиться этих слез — они к лицу даже самому мужественному человеку... Торжественные звуки гимна медленно плыли в воздухе. Люди стояли без шапок. И в этот момент у многих собравшихся на глазах показались слезы...

Поезд привез делегацию Московско-Казанской железной дороги и возвращавшихся в Ленинград делегатов Октябрьской дороги, незадолго перед тем выехавших к шефам на Казанскую. Первый груз, прибывший в Ленинград по железной дороге, был подарком казан-

Вот и поезд. Он медленно подошел к перрону.

ских железнодорожников своим ленинградским товарищам.

Через несколько дней после прорыва блокады начальник депо объявил машинисту Александру Иванову и помощнику машиниста Валентине Семеновой, что они зачисляются в особую паровозную колонну, которая будет водить поезда по новой, срочно построенной ветке.

— Эта ветка соединяет Ленинград с «Большой землей», — пояснил он. — Ездить здесь — дело опасное, но почетное. Уверен — не подведете!

На новом участке Саша и Валя встретили своих старых знакомых — Кардаша и Морозова. Оба старика несколько поправились, хотя следы блокадного истощения еще были заметны на их лицах. В разговоре выяснилось, что Кардаша зачислили в паровозную колонну, которая объединила паровозные и кондукторские бригады. Морозов был назначен ревизором движения.

Глава 11

Страдные будни. — Станция Шлиссельбург возрождается

Начались страдные будни единственной железной дороги блокированного Ленинграда. Враг, выбитый из этих мест, остервенело бро-

сался обратно, стремясь уничтожить линию, работавшую на его погибель. Но дорога продолжала жить. По всему фронтовому участку расположились станции — боевые посты магистрали. Враг засыпал их снарядами, однако железнодорожники делали свое дело. Они продолжали водить и пропускать поезда, ремонтировать путь, разрушаемый обстрелами и бомбежками. Многие погибли, но ни один не ушел с поста, ни один не отказался от работы в «коридоре смерти», — такое название заслужил у железнодорожников отрезок железной дороги между Шлиссельбургом и Волховстроем, почти беспрерывно находившийся под огнем врага.

Поезда шли только ночью: днем коридор на ряде участков просматривался врагом; ночью же гитлеровцы стреляли наугад. Поэтому, чтобы проскользнуть, машинисты старались вести поезда без шума, без дыма, без огня... Когда немецкий снаряд все же попадал в состав, работа участка на несколько часов парализовалась, и поезда, назначенные для отправки в Ленинград, оставались «на той стороне».

Станция Шлиссельбург, от которой началась стройка прифронтовой магистрали, открылась для движения через три дня после про-

рыва блокады и прекращения боев в ее районе. Она должна была принимать поезда со строительными материалами.

В ночь на 21 января начальник отделения Янчук вызвал к телефону заместителя начальника станции «Ладожское озеро» Шевченко и приказал ему немедленно выехать в Шлиссельбург принимать станцию.

— Будет выполнено, — ответил Шевченко.

Он вышел на пути, прошел к берегу. Озеро, покрытое льдом, лежало у его ног. Издалека доносились голоса, в темноте виднелись неясные очертания кранов, слабо мерцали огоньки. Шла выгрузка. Шевченко задумчиво смотрел на знакомую картину. Прощай, Ладога!

На другой день он был уже в Шлиссельбурге.

Для восстановления станции в Шлиссельбург был направлен начальник восстановительного участка Александр Васильевич Шелепин — тот самый, который летом тысяча девятьсот сорок первого года был свидетелем ее разрушения.

Старанием Шелепина станция была открыта значительно раньше срока. Вместо уничтоженного вокзала был поставлен американский

товарный вагон, приспособленный под помещение дежурного по станции.

Шелепин и Шевченко ходили по путям и с грустью смотрели вокруг. Как переменилось все! Дома в поселке разрушены бомбами. Некогда красивая белая церковь изрыта осколками, купол ее снесен артиллерийским снарядом. И только напротив, на островке, гордо высилась старинная Петровская крепость, где четырнадцать балтийских моряков полтора года противостояли ожесточенным атакам немцев. Теперь на башне снова развевался красный флаг. А дальше, на другом берегу — безмолвный город, разрушенный гитлеровскими вандалами. В нем почти не осталось жителей: их угнали в Германию.

— За все это немцы нам сполна заплатят, — сказал Шелепин. — А теперь, Константин Терентьевич, скорее возьмемся за дело.

И они пошли к импровизированной станции, к которой один за другим прибывали поезда с рельсами, шпалами, строительными материалами.

Глава III

Первый рейс по новой трассе. — Налет врага. — Смерть Вали

Бригада Иванова, возвращаясь в Ленинград, заканчивала свой первый рейс по новой трассе. В будке паровоза мерцала маленькая

лампочка, чуть освещая манометр. Густая ночная тьма лезла в окна, и казалось, что по обеим сторонам поезда нет ничего, кроме бесконечной черноты. Иванов, напрягая зрение, смотрел из окна будки, время от времени вытирая платком мокрое лицо. Шел дождь. Машинист то и дело поеживался от холодных струек воды, стекавших за воротник. Мимо поезда, на короткий миг вырываясь из темноты, бесформенной массой мелькали разрушенные путевые будки, редкие заросли кустарника, столбы с тяжелыми нитями телефонных проводов.

Иванов изредка поглядывал на работавшую Валю. По ее лицу тянулись две черных полосы. Иванов засмеялся:

— Что, помощничек? Ишь, измазалась. Посмотри на себя — ведь на чертенка похожа!

Валя засунула руку глубоко в карман широкого комбинезона, пошарила там, вытащила зеркальце и при слабом свете лампочки посмотрелась в него. Правильно! На лбу и на носу — следы мазута; но стереть их с лица, находясь на паровозе, дело нелегкое: можно измазаться еще хуже. Она задорно тряхнула головой и спросила:

— А что, разве некрасиво?

Саша откровенно любовался девушкой; улыбка не сходила с его лица.

Тем временем Валя посмотрела на манометр и крикнула кочегару:

— Петр Иванович! Подбросим немного!

И вместе с ним начала бросать в топку дрова.

Вдруг все трое насторожились. Сквозь свист ветра и шум поезда они уловили рокот мотора. В будку паровоза ворвался яркий свет. Высоко в небе неподвижно повисло несколько осветительных ракет. Их ослепительное сияние позволяло видеть весь поезд.

— Ну, сейчас начнется, — пробормотал кочегар.

Почти в ту же минуту немецкий летчик сбросил на поезд несколько бомб. Страшный грохот ударил в уши. В будку полетели комья земли, щепки. Просвистели осколки. Откуда-то в нос, в рот, в глаза полез едкий дым.

Когда дым рассеялся, машинист увидел, что у топки лицом вверх лежит кочегар. Тонкая струйка крови текла со лба по щеке и капала на пол. Валя кинулась к нему и, приподняв его, тревожно и растерянно позвала:

— Петр Иванович, очнитесь!..

Голова кочегара безжизненно повисла. Он был мертв.

Минуту спустя снова послышался нарастающий рев пикирующего самолета. Новые бомбы упали где-то совсем рядом; от обшивки ближайших вагонов полетели куски досок. Но поезд продолжал мчаться вперед. Израсходовав все фугаски, немецкий летчик сбросил над

поездом весь запас зажигательных бомб. Некоторые из них, с шипением выбрасывая пламя, упали на крыши вагонов. Вспыхнул пожар.

Во что бы то ни стало сбить огонь! С этой мыслью Валя схватила конец шланга и, карабкаясь по высоко уложенным дровам, полезла на тендер. Бомбы подожгли пять вагонов. Девушка взглядом измерила расстояние между тендером и крышей первого из них. Внизу стучали колеса, с бешеной скоростью уходил назад путь. Сильно бил встречный ветер. Вале стало страшно, тело охватила какая-то слабость, на минуту закружилась голова. Но девушка, точно уговаривая себя, прошептала: «Надо прыгать... Надо!».

Собрав всю свою волю, Валя перескочила через черный провал. Несколько поленьев с шумом упали назад, в будку паровоза, но девушка этого уже не слышала: под ее ногами качалась крыша вагона. А ближайшая бомба лежала на крыше третьего.

— А ну-ка, еще раз! — Охваченная азартом борьбы, Валя уже без остановок бежала по крышам, прыгая через страшные межвагонные пространства и волоча за собой длинный пожарный шланг.

Вот и бомба. Она враждебно шипела, осыпая девушку брызгами искр.

— Гадина, — прошептала Валя и сильной струей воды сбросила бомбу с крыши. Через

два вагона были видны еще две бомбы. Шланга нехватило, и девушка бросила его. Добежав до бомб, Валя яростным толчком ноги сбросила их вниз и сразу вскрикнула, почувствовав ожог.

Тем временем немецкий летчик, увидев, что поезд настойчиво движется вперед, сделал еще один заход вдоль состава и прошил его пулеметной очередью. Пули забарабанили по крышам.

— Врешь, не будет по-твоему, летучая дрянь! — крикнула Валя, сбрасывая четвертую бомбу. Ею овладел восторг победы. Ругая немецкого летчика, будто он мог слышать ее, Валя бежала по качающимся крышам. Последняя бомба светилась почти в конце состава. Стремглав кинулась она к горящей бомбе, перескакивая черные пропасти над буферами.

Иванов метался от окна паровоза к тендеру. Он видел, как Валя полезла на тендер, как она, пробегая по крышам вагонов, потушила одну за другой четыре бомбы. Безумный страх за любимую девушку толкал его к тендеру, сознание долга — обратно к регулятору. Остановить поезд? Нет, нельзя! Проклятый самолет привязался, как оса. Надо уходить! И машинист прибавил скорость, рискуя догнать поезд, идущий впереди. В голове его билась мысль: — Ну, что же они? Почему они

не стреляют, зенитчики в хвосте поезда? Может быть, они убиты?

Самолет не отставал от поезда. Он сделал еще один заход. Машинист начал выбрасывать из трубы клубы черного дыма, стараясь окутать им вагоны, скрыть их от наглого стервятника. Но было поздно. Немец опять прошил пулеметной очередью весь состав и Иванов увидел, как Валя рухнула на крышу вагона.

— Валя! — с отчаянием закричал он. — Валя!

Теперь вражеский летчик кружил над паровозом и поливал будку свинцовым дождем, стараясь поразить машиниста. Но Иванов уже не замечал этого. С тупой болью в душе, почти не сознавая, что делает, он нажимал рукоятку регулятора.

— Погибла... погибла!

В будку посыпались разбитые стекла передних окон. Иванов выглянул в боковое окно и убедился, что поезд цел — все вагоны бежали вслед за паровозом. И злобная радость вдруг овладела машинистом.

— Что, мазила чортова!? — яростно закричал он. — Ворона безглазая! Эх, пулемет бы мне, я бы тебе показал, как с русским механиком связываться!

Внезапно длинная пулеметная очередь трассирующих пуль протянулась от хвоста поезда к самолету, и Иванов увидел, как, вспыхнув

ярким пламенем и прочертив в воздухе огненную дугу, фашистский стервятник грохнулся позади поезда. Осатаневший от неудачной охоты немец не заметил, что из товарного вагона, где ехала охрана поезда, за самолетом неотступно следовало дуло крупнокалиберного пулемета: пулеметчик подкарауливал наиболее удобное положение, чтобы бить по врагу наверняка.

Валя очнулась от холода и острой боли в груди. Подняв голову, она увидела пламя и дым — горела крыша соседнего вагона. «Пятая бомба!» Девушка попыталась встать, но дикая боль пронизала все тело.

«Пустяки. Доберусь, близко...» Стиснув зубы, Валя ползком продвинулась к краю вагона. Почувствовав, как намокает комбинезон на груди, девушка сунула руку за пазуху. Кровь! Жалобно, по-детски всхлипнув, она тихо сказала: — Саша, меня ранили... — Ветер трепал ее волосы, разраставшееся пламя обдавало жаром. Перед Валей неодолимой преградой встал темный провал между вагонами — последнее препятствие на пути к последней бомбе.

— Один прыжок — и все в порядке, — прошептала она. — Смелее, Валя! — Но невыносимая боль снова свалила ее с ног. Девушка упала на бок, свесившись над буферами. — Саша, милый! Помоги...

Когда сбитый самолет рухнул, машинист, резко затормозив, остановил состав. Вместе с кондукторами он быстро потушил пожар и кинулся к месту, где лежала Валя.

— Может быть жива, жива, — дрожащими губами шептал он.

Вот и Валя. Сдерживая дыхание, Иванов наклонился над ней. Широко открытыми глазами девушка смотрела в сторону сгоревшего вагона; правая рука была крепко прижата к груди, лицо искажено страданием.

Мертва!

И вот опять поезд в пути. Саша стоит у регулятора и, напрягая зрение, смотрит вперед. Светает; серая мгла сменяет темноту, обнажая пробоины на паровозе. В будке один Саша. На душе у него невыносимо тяжело. Побелевшими губами он, сам того не замечая, беспрерывно твердит: «Валя, Валя... Родная, любимая...»

Близок Ленинград. Длинный, тяжеловесный поезд с продовольствием прибывал на конечную станцию.

Иванов обернулся к тендеру. Луч восходящего солнца скользнул по лицу мертвой девушки, лежавшей на поленьях. И Саше показалось, что она, ласково улыбнувшись, сказала ему:

— Води поезда, Саша. Это — против них!

Глава IV

Торфяной дом. — Бомбардировка. — Морозов завтракает

От разрыва бомбы содрогнулась земля. Морозову показалось, что откуда-то снизу раздался глухой удар: он ощутил его всем телом. Лежа на торфе лицом вниз, ревизор почувствовал, как ему на спину падают какие-то куски. Он пробормотал:

— Свалится вот сейчас какое-нибудь бревно — и поминай, как звали.

Раздался еще удар, за ним еще, и еще. От сильной воздушной волны рассыпался шалаш, только что сложенный из кускового торфа. С трудом возведенные стены, рухнув, засыпали собой и строителя.

— Ах, ты, чорт! — ругнулся Морозов. — Ну, что им мой домик дался?

Он с трудом начал выбираться из-под развалин. Торфяная пыль набилась в рот, попала в глаза. Морозов несколько раз чихнул и поднялся на ноги. Очищая пальто, извлекая из-за воротника целые пригоршни торфяной пыли, он продолжал ворчать.

— Спал ведь человек в своем собственном доме. Устроился довольно уютно, а им, видишь, не понравилось. Черти проклятые. . .

— Фю-у-у-у! — просвистели новые бомбы.

Морозов проворно бросился на землю.

— Вот опять, — бормотал он, подбадривая

себя звуками собственного голоса. — Занимайся тут индивидуальным строительством, когда кругом немцы.

Новый удар бомбы изменил обстановку. Ревизор оказался внизу, а торф — наверху, опять засыпав его с головой. Снаружи торчали только длинные ревизоровы ноги.

Яростно разгребая торф, осточертевший ему за трое суток сидения в этом проклятом месте, он ожесточенно выплюнул несколько сгустков набившейся в рот пыли. В это время новая бомба шлепнулась в болото, подняв тучи грязи.

— Ох, не могу больше. И так каждый день! Господи ж ты, боже мой! На меня, старика, столько бомб тратят. Позавчера пятнадцать, вчера — двенадцать, сегодня. . . — Очередная бомба упала недалеко от Морозова, сбросив его в торфяной карьер на мягкую жижу из таявшего снега и торфа.

Поднявшись, он посмотрел на небо и усмехнулся:

— Ага! Улетели. Нечем больше швыряться? В путь не попали, а что касается меня, то та бомба, которая должна ушлепать меня, еще не сделана.

Ревизор пошел к полуразрушенному штабелю торфа и начал выбирать из него торфяные куски. Через некоторое время строительство нового шалаша было закончено.

Отойдя в сторону, Морозов посмотрел на

результаты своих трудов и, прищелкнув языком, похвалил себя:

— Молодец, Алексей Семенович! Архитектор! — Затем, пожевав губами, он сказал: — Однако, есть хочется.

Пошарив по карманам, Морозов с сожалением покачал головой: все съедено, больше ничего нет. Три дня назад, когда его привезли сюда и ссадили с дрезины, поручив обслуживать по ночам сигнал «живой блокировки» и пропускать поезда, у него был килограмм хлеба. Верный своему принципу — не мучиться мыслями о том, что у него что-то есть, — Алексей Семенович уничтожил свои запасы на второй день, и сейчас голод сильно давал себя чувствовать. Веселое настроение, обычно не покидавшее его даже в самых сложных положениях, несколько испортилось. «Неужели никто не приедет?» — подумал он. Как бы в ответ на его мысли вдали послышался треск мотора легкой дрезины.

— Жив, Алексей Семенович? Держишься? — окликнул ревизора сошедший с дрезины заместитель начальника службы движения, Угрюмов, инженер, который на деле осуществил идею «живой блокировки».

Морозов повеселел.

— Жив, товарищ начальник. Тут нельзя неживым быть. Сейчас такой «жизни» дали, что ой-ой-ой, — ответил он.

— А как вы себя чувствуете?

— Отлично. Только вот... — Морозов замялся.

— Что — «вот»?

— Магазинов тут нет, товарищ начальник. Купить, знаете, негде, — ухмыльнулся ревизор, почесывая седую щетину на подбородке.

— Мы пытались развезти всем вам пищу, — ответил Угрюмов. — С трудом достали котел супу, погрузили на вагонетку, посадили несколько рабочих с раздатчиком и повезли. Только первому сигнальщику и досталось. А дальше... — Угрюмов махнул рукой.

— Всех убило? — тихо спросил Морозов.

Угрюмов помолчал, потом, вынув из кармана кусок хлеба и немного табаку, подал ревизору:

— Вот, возьмите, Алексей Семенович.

— А как же вы, товарищ начальник?

— Ничего. Я уеду отсюда, и в городе, может быть, достану, а вам еще надо тут сидеть. Потерпите, дорогой, скоро вас сменим, а сейчас пока для замены людей нет.

Морозов взял хлеб и табак и почувствовал, как слезы подступили к горлу. Он молчал.

— Ну, до свиданья, Алексей Семенович! Скоро ночь, пойдут поезда. Следите за ними хорошенько.

— До свидания, товарищ начальник! Спасибо за хлеб и табак. Будьте спокойны, все будет в порядке.

Глава V

Штаб на станции. — „Живая блокировка". — Поезда идут по трассе

— Ну, как? — крикнул в темноту, куда-то вверх, человек, стоявший у американского товарного вагона.

— Готово! — раздалось оттуда. — Давай другой!

Вагон служил помещением дежурному по станции Шлиссельбург. С крыши хорошо просматривалась трасса железной дороги до моста через реку и далее, до поворота. Далеко за рекой мелькал зеленый огонек, за ним второй, третий... Они то исчезали, то появлялись вновь. Это действовала «живая блокировка», введенная на участке для увеличения его пропускной способности, потому что автоматическую блокировку за такой короткий срок построить было невозможно. Увеличению пропускной способности участка служила и поточная система пропуска поездов, или, как ее в шутку называли железнодорожники, «система езды по чужому хвосту».

Все происходило очень просто. На высоком берегу, на обрыве, с фонарем в руке находился

сигнальщик, на крыше вагона — второй. Когда поезд, шедший на «Большую землю», проходил мимо сигнальщика, сидевшего на обрыве, тот поднимал фонарь и показывал в сторону станции зеленый сигнал. Увидев его, сидевший на крыше кричал вниз: «Давай другой!», — и с запасных путей, извиваясь на поворотах, бесшумно уходил в темноту очередной поезд, хотя предыдущий еще не успевал пройти первую станцию за рекой. Таким способом через самый опасный участок прифронтовой дороги — через мост — можно было пропустить больше поездов, чем обычно.

Штаб руководства движением на прифронтовой магистрали расположился в Шлиссельбурге; возглавлял его начальник отделения Александр Тимофеевич Янчук. Он отправлял все поезда и в Ленинград, и на «Большую землю». На всех станциях до Волховстроя ему помогали работники Управления дороги: Ельчанинов, Герасименко, Ковалев, Кананин, Извеков, Васильев, Карпов и другие. Филиал штаба находился на станции Войбокала. Им руководил начальник Ленинград-Московского отделения Николай Иванович Иванов.

Внимательно всматриваясь в темноту, машинист и главный кондуктор напряженно следили за сигналами поезда, шедшего впереди. Если он замедлял ход, шедший сзади замедлял тоже. Если он останавливался — шедший сзади

тоже останавливался. Впрочем, это бывало редко и вызывалось только внезапной порчей паровоза или разрушением пути и состава в результате обстрела. Как правило, поезда шли с определенной скоростью, которую запрещалось уменьшать или увеличивать. Поэтому расстояние между ними всегда было одинаковое. Обстрел, даже самый ожесточенный, в расчет не принимался. Машинисты держали заданную скорость, и не было случая, чтобы машинист, испугавшись обстрела, увеличил ход и ударил в хвост поезд, шедший впереди.

Это было в одну из напряженных ночей, когда немцы буквально забрасывали снарядами всю трассу железной дороги.

Поезд, который вел Иванов, остановился в Шлиссельбурге, чтобы сдать в эвакогоспиталь тяжело раненного кондуктора. Саша торопился — сзади шел другой поезд и нужно было во что бы то ни стало уйти от него. Но не пришлось. На станцию упало несколько снарядов. Один из них разорвался у самого паровоза, вырвав кусок рельса. Оглушенный, Иванов вылез из будки, внимательно осмотрел машину. Повреждений не было, но и ехать было нельзя, пока не отремонтируют путь. Саша похолодел: станция обстреливалась, а в поезде — снаряды!

Из темноты вышел начальник станции.

— Почему не едете?

Механик не успел ответить. Очередной немецкий снаряд разорвался с другой стороны состава. Иванов и Шевченко припали к земле. Из будки паровоза послышался испуганный голос кочегара:

— Фу, ты, пропасть! Не знаешь, куда деваться!

— Почему не едете? — повторил вопрос Шевченко.

Саша молча посветил фонарем под паровозом. Константин Терентьевич тихо свистнул: «Н-да!».

Как на-зло обстрел усилился. От начальника отделения пришел нарочный: Янчук категорически требовал, чтобы машинист немедленно ехал дальше. Шевченко быстро прошел к начальнику и доложил о происшествии. Янчук задумался. Что делать? Оставить состав на станции, пока не отремонтируют путь, — нельзя. Прямое попадание снаряда в любой вагон... и станцию разнесет в клочья.

— Вот что, — сказал он, — состав надо оттащить в сторону Дубровки.

Шевченко кинулся исполнять приказание. Вскоре к хвосту состава подошел маневровый паровоз и потащил вагоны в темноту, а под паровозом Иванова закопошились рабочие, пытаясь на скорую руку заменить разбитый рельс. Вдруг, на пути, где только что стоял

состав, разорвался тяжелый снаряд. Следующий снаряд опять разворотил путь позади паровоза. Теперь ехать можно было только вперед. Иванов озабоченно потер лоб.

— Если возиться с прикреплением рельса, дождешься, что снаряд угодит прямо в машину, — соображал он. И, обратившись к Шевченко, сказал:

— Перескочу и так. Не надо прикреплять.

— Смотри! — возразил тот.

— Ничего, машина прижмет рельс, проеду!

Начальник станции отошел в сторону, направив свет фонаря прямо под колеса локомотива. Паровоз, коротко выдохнув дым, рванулся с места... Когда он был уже далеко, Шевченко наклонился над путем... Рельс лежал на месте, — он даже не сдвинулся.

Глава VI

Сигнал зажжен. — Обстрел. — Что случилось? — Риск. — Сигнальщик убит.

Морозов проснулся от холода. Первые несколько секунд ему казалось, что все его члены скованы. Трудно было подняться. Лязгая зубами, он вылез из своей торфяной норы. Одежда на нем набухла от сырости и пудовой тяжестью давила на плечи. Стараясь сбросить с себя оцепенение, он бегом направился к сигнальному фонарю. Вынув его из деревян-

ной станины, он прочистил сигнальные и ламповые стекла, подрезал фитиль и, чиркая отсыревшими спичками, с трудом зажег огонь. Дрожащий, зеленый свет упал на мертвенно бледное лицо Морозова.

Третью ночь у сигнала! Ревизор посмотрел направо. Там далеко мелькал зеленый огонек соседа. Движение еще не начиналось. Морозов еще раз осмотрел сигнал и повернул его зеленый глаз в левую сторону: отсюда должны были пойти поезда. Сегодня они идут в Ленинград.

Поезд появился из темноты неожиданно. Из окна паровоза высунулся Саша Иванов и, помахав фуражкой, крикнул:

— Отец, здорово!

— Здравствуй, сынок! — ответил Морозов.

Все шло нормально. Поезда проходили один за другим, на миг показываясь из темноты и снова исчезая. И почти с каждого паровоза или тормозной площадки знакомые голоса окликали ревизора: «Папаша, свети лучше!» — «Алексей Семеновичу-у-у!».

Иногда к его ногам падал небольшой пакет. В нем лежала вареная картошка, кусочек хлеба или еще что-нибудь из съестного. Кондукторы и машинисты, зная, что пожилой ревизор уже несколько суток стоит на дожде и холоде, делились с ним своей скудной пищей.

Прошел уже двенадцатый поезд, когда на-

чался обстрел. Но ревизор внимательно следил за сигналами, не обращая внимания на разрывы вражеских снарядов.

Из темноты показался очередной поезд и быстро скрылся. Хвостовые сигналы медленно удалялись и, наконец, исчезли вовсе. Однако сосед-сигнальщик все время показывал красный огонь. Морозов кинулся к телефону, висевшему тут же на столбе. Напрасно — телефон не действовал: где-то был перебит провод. Снаряды падали все ближе и ближе, противно повизгивали осколки.

«Что делать?» — тревожно подумал ревизор. — «Задержать следующий поезд? Нельзя — обстрел усиливается. Пропустить поезд на красный сигнал? А если на участке соседа остановился предыдущий состав? Тогда — крушение». Только теперь тошное чувство страха охватило Морозова. Не от обстрела — нет! Его мучила мысль: что делать? Ведь от его решения зависит судьба двадцати поездов, еще не прошедших в сторону Ленинграда. Если остановить очередной идущий поезд — станут все остальные. А там начнет светать: немцы обнаружат поезда и поведут по ним прицельный огонь.

В мучительных поисках выхода, он крепко сжимал стойку фонаря и, до слез напрягая зре-

ние, всматривался в темноту. Нет, красный огонь отчетливо виднелся вдали. Что там случилось?

В это время слева темной длинной змеей выполз очередной поезд и остановился. Кто-то соскочил с тормозной площадки и бегом направился к Морозову. Он узнал Кардаша.

— Что случилось, Алексей Семенович?

— Видите, Михаил Георгиевич, — ответил ревизор, и показал рукой на красный сигнал.

Оба старика посмотрели друг на друга.

— Стоять здесь никак нельзя. Дорога каждая минута. Садитесь на паровоз, Михаил Георгиевич, и поезжайте. Только смотрите в оба и сбавьте скорость при подходе к сигналу.

— Правильно, — ответил Кардаш. — Так и сделаем. На площадку хвостового вагона я посажу второго кондуктора с сигналами, а вы пропускайте следующий поезд. В случае опасности мы примем меры.

Поезд ушел. Как хорошо, что это был Кардаш! На него можно положиться.

И действительно, через восемь минут у соседа появился зеленый сигнал. Ревизор вздохнул свободно. Только сейчас он заметил, что на нем нет шапки. Коснувшись рукой лба, Морозов почувствовал боль. С головы закапала кровь. В горячке он не заметил, как осколком с него сорвало шапку и оцарапало голову.

Впоследствии выяснилось, что сигнальщик, сосед Морозова, был убит осколком снаряда. Он так крепко держал сигнальный фонарь, что, и умирая, не выпустил из рук рукоятки. Кардаш взял с собой тело убитого товарища, а сигнальщиком на его место поставил своего кондуктора.

Глава VII

Утро. — Шабаров слезает с крыши. — Рассказ о Янчуке

Наступало утро. Движение поездов прекратилось, и сигнальщик — ревизор движения Шабаров — слез с крыши товарного вагона. Из-за реки пришел другой сигнальщик. Сидя на скамейке у вагона, Шабаров негнущимися от холода пальцами пытался свернуть папироску. Воспаленными глазами он из-под нависших бровей со злостью поглядел на пальцы, затем сунул их в рот, согрел и снова продолжал скручивать папироску.

— Ишь, чорт! — обратился он ко второму сигнальщику, — ведь ничего же не делал всю ночь, только на твой фонарь, Иван Семенович, любовался, — смотрел, как ты им мне подмигиваешь, а поди ж ты — устал! На табурете ведь сидел, на свежем воздухе — прямо курорт! И все же устал.

К отдыхавшим подошел начальник отделения Янчук. Шабаров сказал ему:

— Тридцать пять поездов дали. Каково, товарищ начальник?

— И все благодаря тебе. Не сиди ты на крыше, ни один поезд ни почем бы не прошел, — усмехнулся Янчук.

Опустив воротник своей простой солдатской шинели, начальник отделения прошел к дежурному по станции.

Шабаров посмотрел ему вслед и, вздохнув, сказал:

— Вот человек, ей-богу! Ты посмотри на него. Худой, лицо серое, темное, глаза обведены черными кругами, — а как посмотрит он этими глазами — ой-ой-ой! Фитиля он умеет задать знаменитого. Никакой боцман на корабле так не сумеет.

— А тебя фитилил? — спросил собеседник.

— Фитилил, — с сожалением ответил Шабаров, — и сегодня, наверное, будет. Вот только в вагон приду отдыхать, посплю немного, он явится — и будьте любезны. Пожалуй, Варвара, на расправу. А что я сделал? Сигнал твой прозевал, а он по часам определил и давай меня снизу костылять: «Ты, — говорит, — такой, сякой, разэтакий, все движение мне сорвешь. Тебя, — говорит, — на крышу не спать посадили, а движением руководить. Если тебе, — говорит, — двух глаз мало, я тебе тре-

тий могу подставить!». И все, понимаешь, в таком роде... Ну, я молчу. Ему возразишь — хуже будет. Это он только сейчас сказал, что, де-мол, без меня поезда бы встали: не хотел при тебе жару задать, а потом задаст... А в общем правильно фитилил, — заключил Шабаров. Помолчали. Пыхтя «козьей ножкой», Шабаров продолжал:

— Мы тут с ним уже несколько месяцев каждую ночь орудуем, а то и сутки напролет крутимся, особенно если фрицы по станции и мосту долбят. Так он иной раз пожалеет меня, гонит спать, вроде как сегодня, а сам — кто его знает, когда и спит. Придешь в вагон, а он лежит на диване одетый, в ватнике, только сапоги снимет. Лежит, а у самого на голове селекторные наушники надеты. Там ведь, в наушниках, весь разговор происходит, станции с диспетчером разговаривают. Так он спит и этого не слышит, а уж если его станцию помянут, или кто-нибудь с диспетчером заспорит, или вообще что-нибудь неладное — моментально проснется, глаза вытаращит и давай их чесать по селектору. Поставит всех на место, и опять прикурнет...

Снова помолчали.

— Скажи, Федор Епифанович, а ты на старом мосту, на переправе, сидел, пропускал там поезда? — снова спросил собеседник.

— Как же! И не одну ночь, а много. Там хуже, чем здесь на крыше. Мост низенький, всего полметра над водой. Холодище чертов! Попробуй, посиди всю ночь, да еще не одну, а несколько. Помню, первую ночь чуть не погиб там.

— А почему?

— Очень просто — почему. Провели мне туда телефон полевой. Уселся я с ним и не сообразил, что мост узкий и, если поезд придет, — деваться некуда. И никому другому это тоже в голову не пришло. Сижу, жду. Стемнело. Вижу — со станции первый поезд на мост заворачивает, и чуть-чуть через жалюзи фарами посвечивает. Тут меня и осенило: «Батюшки мои! А куда же я денусь?». Ведь сижу на середине моста, кругом вода, ширина моста два метра, как раз поезду пройти, а мне, бедному, и деваться некуда. Бежать от поезда? Не убежишь, да и нельзя: как же это так — пост оставить. Ну, звоню на станцию, а сам на поезд гляжу и с жизнью прощаюсь. Ответил Янчук: «Чего тебе»? — спрашивает. — «Так, мол, и так, — докладываю, — погибаю: забыли досочку прибить для меня». А он кричит: «А ты что же, дьявол, смотрел, когда тебе телефон ставили?!» — «Миленький, — отвечаю, — товарищ начальник! Поздно теперь говорить об этом, меня уже поезд давит». А Янчук как закричит: «Лезь, дурак, в воду!».

— И полез? — поинтересовался собеседник.

— Полез. У-ух, ты, господи, твоя воля! По сие время, как вспомню, сразу замерзаю, до того меня тогда эта ледяная вода ожгла. Окунулся по горло, глаза вытаращил от собачьего холодища и держусь руками за сваи, а поезд громыхает надо мной. И до того он мне длинным показался, не приведи — веди!.. Прошел поезд, вылез я из воды курица-курицей. Руки едва шевелятся, ноги не двигаются. «Мама» сказать не могу. Звоню на станцию — прошел, мол, поезд, давайте другой. А Янчук спрашивает: «Ты чего — каши или воды в рот набрал — ничего не понять». Я ему отвечаю: «Вымок я». — «Ничего, — отвечает, — сейчас я тебе досок и гвоздей пришлю»... Ну, пока он прислал, — время-то ведь идет, и поезда тоже! Окунулся я еще раз пять, затем устроили мне перерыв между поездами на пятнадцать минут, и он прислал человека с досками и гвоздями, да, кроме того, свои штаны, шапку, шинель и даже белье. Тут же на мосту я и переоделся, пока плотник площадку делал. Ну, схватил я там насморк — и ничего больше.

— Да, досталось тебе, — посочувствовал собеседник.

— Ни черта! — закончил Шабаров и, пожав руку товарищу, быстро зашагал к вагону.

Глава VIII

Мария Яценко. — Диверсанты. — Игорек

— Послушайте, Яценко, — говорил Шабаров. — Как бы это вам объяснить... Ну в общем, вам дежурить больше нельзя. Идите в больницу или куда там вам полагается.

И он посмотрел на располневшую фигуру стоявшей перед ним стрелочницы. Она покраснела.

— Рано еще, товарищ начальник. Я ведь лучше знаю.

— Хм! А если, того... да на дежурстве, а?

— Да нет же! Честное слово, я могу еще работать, товарищ начальник. Очень прошу, разрешите дежурить.

— А Янчук? Увидит, что я разрешил, — тогда будет погром.

Но стрелочница так умоляюще смотрела на него, что Шабаров только махнул рукой.

Марию Яценко одолевал сон. Дремота затуманивала сознание. Временами она ловила себя на том, что спит. Тогда Яценко выходила из будки и проверяла стрелки. Было тепло, тихо и темно. Свет стрелочных фонарей мерцал то белыми, то желтыми огнями. Вдали, высоко на фоне ночного неба, мигал сигнал семафора. Освежившись, Яценко возвращалась

обратно и, усевшись на скамейку, смотрела в окно. Напротив желтым кругом светился стрелочный фонарь. Когда она долго смотрела на него, ей казалось, что это луна ласково заглядывает в окно будки.

Но побороть дремоту с каждой минутой становилось труднее. Опять захотелось спать... Яценко встряхнула головой: нужно быть начеку. Вдруг она ясно ощутила в себе толчок. Женщина ласково улыбнулась. Это он, милый мальчик. Она была уверена, что родится мальчик. Муж так хотел иметь сына, Игоря... Стрелочница посмотрела в окно и удивилась. Сердце ее учащенно забилось. Почему вдруг погас стрелочный сигнал?

Захватив с собой ручной фонарик, Яценко вышла из будки. У дальней стрелки, пригнувшись к земле, копошились двое людей. Стрелочнице стало страшно. Чтобы не выдать себя, она быстрым движением погасила фонарь. Стук сердца гулко отдавался в ушах. Что делать? Закричать о помощи? Свои не услышат. Позвонить из будки по телефону? Бандиты скроются, как только раздастся треск наружного звонка телефона. Еще не зная, что она будет делать дальше, Яценко пошла вперед, сжимая в руке погасший фонарь. Вот они! Мария услышала лязг железа и хриплое дыхание людей, ломавших замок. Стрелочница ясно

различала фигуры: одна низенькая и толстая, другая — длинная и тощая.

Опустившись на землю, Яценко медленно поползла между рельсов.

Удар фонаря о рельс выдал ее. Люди, возившиеся у стрелки, кинулись бежать. Не помня себя, Яценко вскочила на ноги.

— Стой, — крикнула она.

В несколько прыжков («и откуда силы взялись?» — удивлялась она потом) Яценко сразу настигла одного из диверсантов. Он был толстый и прихрамывал на одну ногу. Удар фонарем по голове свалил его с ног.

Яценко размахнулась второй раз, но лежавший на земле ловко увернулся, и она упала, сильно стукнувшись головой о рельс. Тем временем второй бандит кинулся на помощь первому и ударом гаечного ключа оглушил женщину.

Согнувшись, Мария инстинктивно закрыла руками живот. Теперь мысль ее была занята одним: защитить будущего ребенка. Вдруг страшный удар по голове оборвал сознание. Она затихла. Тогда диверсант, которого она сшибла с ног, еще раз ударил ее ногой и сказал:

— Подохла.

Острая боль вернула Марии сознание. Скрипнув зубами, она схватилась за живот. До слуха долетел шопот мужских голосов.

Женщина, подавив готовый вырваться стон, открыла глаза. «Они еще здесь!».

Диверсанты заканчивали «работу». Яценко увидела, что стрелки переведены на путь, где стоят вагоны с грузом. У первой стрелки был вынут остряк,[1] — значит прибывающий поезд неминуемо врежется в вагоны.

«Вот чего они хотят! Вызвать крушение, разбить вагоны, погубить грузы, устроить завал, остановить движение!»

Стрелочница похолодела от ужаса. Она забыла, что все ее тело ноет от побоев, она лишь видела перед собой неясно маячившие в темноте фигуры людей. «Нет, не уйдете, проклятые!»

Она пошарила вокруг руками и — о, счастье! — нащупала большой гаечный ключ, брошенный бандитами. Сжимая его, она бесшумно подползла к ним и поднялась на ноги — страшная, окровавленная.

Диверсанты оглянулись, но было уже поздно. Толстяк с раскроенным черепом, хрипя, свалился на землю. Яценко кинулась на другого. Схватившись в неравной борьбе, оба упали на рельсы. Рука бандита искала шею женщины. Ключ отлетел в сторону. — «Рожок!» — мелькнуло у нее в голове. И в ту же

---

[1] Остряк — подвижная часть стрелки.

секунду резкий и сильный гудок стрелочного рожка раздался в ночной тишине.

А диверсант, одной рукой сжимая горло стрелочницы, другой пытался вырвать у нее рожок. Яценко не сдавалась. Еще один тревожный сигнал прозвучал в ночном воздухе.

Удары сыпались по голове, по животу. Яценко изнемогала. Рожок выпал из ее рук. С последней вспышкой сознания она схватила зубами палец бандита и с силой сжала его зубами. Дикий крик прорезал тишину.

...Железнодорожники, прибежавшие на звуки рожка, вырвали истерзанную стрелочницу из рук обезумевшего бандита: он бил ее по лицу, пытаясь освободить свой палец.

Мария очнулась на станции.

— Покажите мне его, — прошептала она.

Когда ей подали сверток, из которого виднелось красное, сморщенное личико ребенка с зажмуренными глазками, она спросила, не сомневаясь в ответе:

— Мальчик?

— Да, — ответили ей.

Стрелочница счастливо улыбнулась.

— Игорек, мой милый! Храбрый мой мальчик! — И она нежно прижала сына к груди.

Глава IX

Снаряд между тендером и вагоном. — Как сцепить состав? — Резак выручил!

Бригада Иванова пополнилась новыми людьми. Помощником машиниста прислали молодого парня, влюбленного в машину, комсомольца Филиппова, а кочегаром — комсомолку Исаеву, веселым нравом напоминавшую Валю.

Саша был доволен новым помощником. На паровозе всегда царил порядок. Исаева навела на паровозе почти больничную чистоту и даже повесила на окна паровозной будки маленькие занавески. Несколько поездок Саша совершил благополучно, отделавшись одной легкой контузией и царапиной на левой руке. «Главное — были бы целы вагоны и паровоз», — рассуждал он. Однако, в одну из ночей Иванов снова попал в суровую «переделку».

Поезд на большой скорости шел под уклон, когда немецкие артиллеристы открыли жестокий огонь по трассе. Один из снарядов разорвался между тендером и первым вагоном. Исаева, забравшаяся на тендер, камнем свалилась сверху и со стоном присела, схватившись обеими руками за ушибленное колено. Филиппов, оглушенный разрывом, стоял, прислонившись к стенке. Временную глухоту ощутил и Иванов.

Несколько оправившись, машинист полез на тендер и к ужасу своему обнаружил, что паро-

воз с разбитым тендером идет один: состав — оторвался. Мгновенная слабость охватила механика. Потерять состав ночью, когда вслед идет еще много поездов! Что может быть страшнее? Первый же поезд с полного хода врежется в отставшие вагоны; произойдет крушение, которое надолго приостановит движение. «Надо немедленно найти состав и во чтобы то ни стало предотвратить крушение», — решил машинист.

— Ребята! — крикнул он. — Состава нет!

Помощники остолбенели. Они со страхом смотрели на машиниста.

— Филиппов, — приказал Саша, — дай сюда электрический фонарь. Стой на моем месте и не понижай скорость.

Луч света, брошенный назад, обнаружил в темноте состав, бешено мчавшийся под уклон вслед за паровозом. Разбитые доски лобовой стенки переднего вагона белели не более чем в двадцати метрах от паровоза.

Иванов все понял. Разрывом снаряда была разбита сцепка. Поэтому-то паровоз и ушел вперед! Цепляясь за поручни, машинист слез к буферам. Но буферов не было: вместе со сцепкой их начисто срезало снарядом.

Что делать? Остановить локомотив нельзя: мчащийся состав разобьет паровоз. Надо чем-то соединить паровоз и состав на ходу. Но чем, чем? Есть ли крюк на вагоне?

Саша кинулся обратно на тендер. Взгляд механика упал на резак,[1] лежавший на полу. С одного конца он имел петлю, другой был загнут в виде буквы Г.

— Филиппов! — крикнул Иванов. — Потихоньку сбавляй скорость, а когда я крикну «вперед» — прибавишь ход до прежнего. Понял?

Помощник утвердительно кивнул головой.

Иванов, захватив тяжелый и длинный резак, снова слез вниз, на разбитую часть тендера. Состав стремительно приближался. Держась левой рукой за разорванные листы железного ящика, Саша другой рукой вытянул вперед резак. Под ногами стучали колеса. При слабом свете фонаря быстро мелькали уходящие под вагоны шпалы, тускло серебрились нити рельсов. Проклятый резак тянул вниз, а вагоны были еще далеко. Напрягая зрение, машинист всматривался в разбитый вагон. Наконец, он заметил причудливо изогнувшийся кусок железного бруса. Быстро накинув на него петлю резака, Саша ловко бросил другой конец на выступ тендерного бруса. От натиска состава резак согнулся; толчок чуть не сбросил машиниста под колеса поезда. Иванов судорожно ухватился за остатки боковых поручней.

---

[1] Резак — род большой, толстой кочерги, служит для шуровки в топке паровоза.

— Вперед! — крикнул он.

Резак медленно выпрямился.

— Неужели сорвется? — с тревогой думал Иванов.

Поезд пошел в подъем. Железо заскрежетало. Брус выгнулся, но выдержал. Едва стоя на ногах, Саша смотрел на свою импровизированную сцепку и шептал:

— Ну, еще немного, всего только пять километров. Держись, держись!

И железо послушалось машиниста. Разбитый брус выгнулся, — он почти оторвался от паровоза, но резак упорно держался за него.

Так поезд и прибыл на станцию, сцепленный резаком, который одним концом уцепился за разбитый металлический брус вагона, а другим — за еще более изуродованный брус тендера.

Глава X

Будни Шлиссельбурга. — Поезда проследовали во-время

Шевченко уже несколько месяцев работал на станции Шлиссельбург. За это время здесь было построено несколько новых путей. Работники станции в свободное от дежурства время отремонтировали полуразрушенный дом, приспособили его под служебное здание и в один из летних дней перетащили в новое помещение

из опостылевшего тесного вагона столы, скамейки, папки с делами, чернильницы.

Парторг станции Константин Андреевич Калинин вместе с техником Журко, когда-то работавшей на Ладожском озере, развешивали в красном уголке портреты, лозунги. Вечером было торжественно отпраздновано новоселье. Выступал импровизированный джаз-оркестр под управлением дежурного по станции Павлова.

А еще через несколько дней прямым попаданием тяжелого снаряда деревянный дом был разрушен почти до основания. В нем погибло несколько человек. Опять пришлось переезжать в вагон... Неделю спустя, во время ожесточенного обстрела, сгорел и этот вагон. Тогда железнодорожники перебрались в землянки. Их заливало водой. Но больше перебираться было уже некуда...

Пассажирские поезда, еще несколько дней назад доходившие до станции, начали останавливаться в леске: это делалось для того, чтобы не подвергать грузы и пассажиров опасности обстрела В этом же леске разместились вагоны, в которых помещался штаб руководства движением.

Станция опустела. Каждый день немцы стреляли по ней, разрушая пути, но к вечеру, когда обстрел кончался, люди восстанавливали

разрушенное, и ночью, как ни в чем не бывало, один за другим здесь проходили поезда.

Перед началом каждой смены Шевченко и Калинин собирали работников и давали им задание на предстоящую ночь.

После планерки смена уходила на работу. Расходились по одному человеку: это делалось для того, чтобы в случае внезапного обстрела было меньше жертв. Но, завернув за вагон, все собирались вместе и «гуртом» шли на станцию. Так было веселее!

...Сегодня на дежурство шла смена дежурного по станции Василия Семенова. Один за другим выходили из вагона составители, стрелочники, конторщицы. Они собрались у крайнего вагона и, покуривая, двинулись на станцию Вдруг тишину разрезал нарастающий свист. Снаряд разорвался в канаве, подняв в воздух тучи грязи. Все кинулись врассыпную. Семенов почувствовал жгучую боль в левой ноге. Он упал. Однако сознание не покинуло его. Стиснув зубы, он встал.

— Живы?

Осторожно оглядываясь, поднялись остальные.

— Живы, товарищ начальник.

— Пошли! — сказал Семенов.

Но свист нового снаряда заставил его лечь на шпалы.

Когда земля, поднятая взрывом, осела, он снова встал.

— Теперь можно итти... Пошли! — повторил дежурный по станции, стараясь подбодрить товарищей.

Семенов чувствовал, как кровь лилась по ноге; голова его кружилась, к горлу подступала тошнота. Но ему не хотелось, чтобы подчиненные заметили его слабость. И, превозмогая мучительную боль, он вдруг запел высоким чистым тенором:

— Эх, Дунай, ты мой Дунай!

Звонкий его голос далеко разливался вокруг, верхние ноты дрожали в ясном воздухе. Несколько минут Семенов пел один. И вдруг, словно по команде, вся смена, точно забыв о только что пережитом, подхватила знакомый мотив. Так, с песней, и пришли на работу.

...Ночью Семенова увезли в эвакогоспиталь.

Глава XI

Дома. — Опять в пути. — Налет врага. — Кардаш ранен

Михаил Георгиевич Кардаш дома бывал редко. Вот уже несколько месяцев он жил в турном вагоне, а когда выпадала свободная

минутка, забегал домой — повидать жену, взять свежее белье, сходить в баню.

— Непутевый ты у меня, Мишук, — ласково выговаривала ему жена, — ведь можешь чаще домой приходить. И где ты только пропадаешь? Добро бы молод был — подумала бы, за девушками бегаешь. А то ведь староват!

— Ну, ну, Женечка, — протестовал Кардаш, — какой я старый? Ты погляди... — И он начинал притоптывать и пританцовывать по комнате.

Евгения Эдуардовна, смеясь, смотрела на мужа и любовалась его небольшой, коренастой фигурой, открытым, честным лицом, на котором светились добрые серые глаза. Она и по сие время не видела разницы между теперешним Мишей и тем, с которым познакомилась 35 лет назад.

Главный кондуктор любил своих товарищей по бригаде, деливших вместе с ним опасность и ежедневно смотревших в лицо смерти. Они ему платили тем же. Уже тридцать один год работал Михаил Георгиевич на транспорте, но самыми яркими в своей жизни он считал вот эти грозные, опасные, увлекательные дни, эти месяцы работы для блокированного Ленинграда.

К каждой поездке Кардаш тщательно готовился. Если он осмотрел состав, и принял

его — можно было быть совершенно уверенным, что поезд действительно в полном порядке.

Сегодня Кардаш совершал очередную поездку. Состав вез смертоносный груз, предназначенный «в подарок» немцам. Как всегда, главный кондуктор стоял на площадке вагона и, обняв правой рукой стойку, внимательно смотрел то в одну, то в другую сторону. Он знал, что без обстрела рейс не обойдется, и не спускал глаз с поезда, чтобы в случае опасности немедленно принять меры.

И обстрел начался. Впоследствии Кардаш говорил, что подобной поездки он еще не совершал. Снаряды падали по обеим сторонам состава в таком количестве, что в воздухе стоял сплошной вой. Вскоре в этот бешеный концерт мощно вмешалась наша артиллерия, бившая по батареям немцев, и персонал поезда потерял всякое представление о том, кто, откуда и куда стреляет. Крупные комья земли, камни, целые кусты и громадные куски деревьев взлетали в воздух, обдавая грязью и оглушая свистом стоявших на площадках кондукторов.

«Только бы не в поезд», — мучительно думал Кардаш, — «только бы не в поезд!» Он знал: достаточно одного прямого попадания в лежащие в вагонах авиабомбы — и от поезда не останется ничего. О себе он не думал.

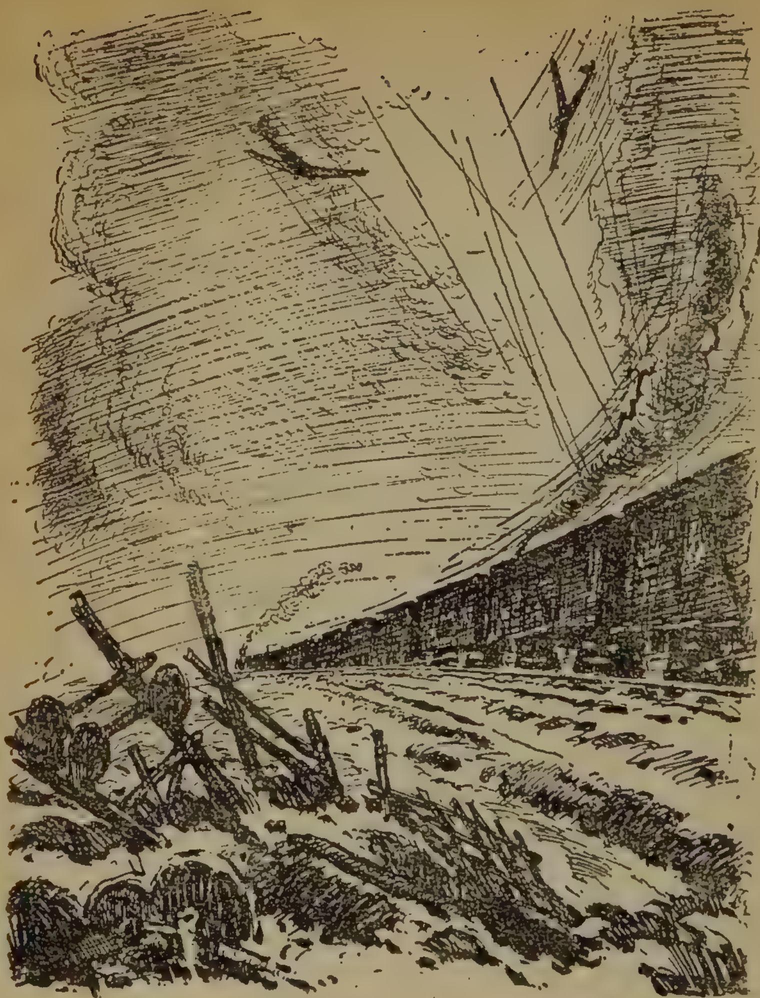
Чтобы лучше видеть ходовые части вагонов, главный кондуктор спустился на нижнюю ступеньку площадки и, нагнувшись, сквозь треск разрывов прослушивал ход поезда. Нет, пока все нормально...

Вдруг что-то зашипело. Неужели перебило воздушную магистраль? Если никто из кондукторов не ранен и не убит, поезд можно вести дальше на ручных тормозах, но если... Он даже боялся думать дальше. Ничего хорошего не может произойти, если некому и нечем тормозить состав, в котором везешь, примерно, такой же груз, какой сейчас фейерверком рвался вокруг поезда. Но шипение прекратилось — тормоза в порядке.

— Ах, ты, чорт возьми! — выругался Кардаш после очередного разрыва, почувствовав, что с его головы слетела шапка. Поезд настойчиво пробивался вперед, прокладывая себе путь среди смертоносного вихря железа, дерева и земли.

За спиной главного кондуктора раздался продолжительный раскатистый скрежет. Старика бросило куда-то вверх, потом вниз. Больно ударившись обо что-то спиной, он увидел, что лежит на буферах между вагонами быстро идущего поезда. От разрыва снаряда разнесло в щепы весь кузов вагона вместе с площадкой, где Кардаш только что стоял.

Ему положительно везло. В этом вагоне

... Послышались выстрелы зениток и следом — нарастающий вой самолетов.

были медикаменты. Острый запах карболового раствора ударил в нос.

Судорожно цепляясь за остатки кузова, главный кондуктор вылез в разбитый вагон и, тяжело опустившись на пол, ощупал себя. Ран не было, но сильно болели ушибы. Левая рука совсем онемела.

Внезапно обстрел прекратился. Поезд мчался среди двух стен лесной чащи, укрытый от немцев деревьями. Лес скрадывал шум поезда; в нем терялся и легкий дымок, который время от времени вырывался из трубы паровоза.

Двадцать шестой километр позади!

Кардаш с облегчением вздохнул и ладонью вытер пот со лба. Холодный ветер шевелил его редкие седые волосы. Скорчившись, он сидел на уцелевшем кусочке разбитого кузова; сильные порывы ветра едва позволяли ему держаться на шатком островке, под которым стучали колеса. Только теперь, когда главная опасность уже миновала, ему стало немного жутко. . . Вот и станция Поляна. Поезд внезапно остановился. Вражеские самолеты разрушили путь. Дежурный по станции сообщил, что ремонт будет закончен через час-два. Главный кондуктор пошел в турный вагон взять запасную шапку.

Отдыхающая смена готовила себе обед. Кое-кто читал книги, газеты; в одном из купе играл патефон.

— Товарищи, слушайте!

Все насторожились. В самом деле: вблизи послышались выстрелы зениток и следом — нарастающий вой самолетов. Стая немецких стервятников пикировала на станцию. Земля содрогнулась от ударов бомб.

Отдыхавшие в турном вагоне выбежали и легли на землю. И во-время: почти в то же мгновение около вагона упала бомба.

Когда самолеты улетели, а пыль и дым рассеялись, все увидели, что от турного вагона остались только изуродованные стенки. Крыши не было; скамейки, полки, вещи обитателей вагона были буквально перемолоты взрывом. Один из кондукторов протяжно стонал, лежа на земле.

Вдруг откуда-то из кучи досок, битого стекла и тряпья послышалась возня, затем раздался сердитый голос Кардаша:

— Эй, вы, там! Оттащите доски. Долго я ждать буду?

Старик вылез наружу, запорошенный пылью, засыпанный мелкими блестками стекла. Второй раз за эти сутки сорвало с него шапку. Трубка, которую он только перед разрывом бомбы, закурил, была крепко зажата в зубах.

— Михаил Георгиевич! Живы, целы?

— Жив и цел, — ответил Кардаш.

Но это было не совсем так. Жив-то он был жив, но его правая рука висела, как плеть: в нее вонзились три осколка.

Опасаясь, что немецкие летчики разглядели поезд и вернутся назад, Кардаш предложил замаскироваться. Так и сделали. С помощью кондукторов поезд был расцеплен на несколько частей, вагоны замаскированы, а паровоз отогнан в лес. И не напрасно: через некоторое время несколько вражеских самолетов, ме́тя в поезд, снова сбросило бомбы на станцию.

В эту поездку из пятнадцати членов бригады девять были ранены. Несмотря на серьезные ранения руки, Кардаш отказался лечь в больницу.

— Ну, зачем я лягу в больницу с этой пустяковиной, — говорил он врачу, явившемуся к нему на квартиру. — Давайте лучше чайку или водочки выпьем.

Видя такое упорство, врач ограничился тем, что взял с него честное слово ежедневно ходить на перевязки.

С перевязанной рукой Кардаш продолжал сопровождать поезда.

Глава XII

„Чумазик". — Главный кондуктор Иванов. — Бензин спасен!

Ночь кончалась. Со станции Волховстрой готовили к отправлению в Ленинград последний поезд. Двадцать девять поездов уже ушло, — это был тридцатый.

У паровоза работали машинист, его помощник и кочегар. Они внимательно осматривали готовую к рейсу машину. Стучали молотки, звенели гаечные ключи. Ходовые части обильно заливались маслом. Поезд должен был итти бесшумно, без скрипа, без отблеска огня.

Вдоль состава к паровозу шел главный кондуктор Иванов, внимательно оглядывая вагоны и сцепку. Остановившись у группы цистерн, он проверил запоры сливных рукавов. Его высокая фигура в короткой кожаной куртке то сгибалась, то распрямлялась, то совсем исчезала между вагонами.

У паровоза веселый молодой кочегар с перепачканным лицом, сдвинув кепку на затылок, яростно завинчивал гайку и напевал на мотив «Серого волка»:

— «Нам не страшен Гитлер-волк,
Гитлер-волк,
Гитлер-волк. . .
Мы его по роже — щелк». . .

В такт песенке парнишка двигал ключом;

при словах «Гитлер-волк» он делал резкий рывок рукой, а при слове «щелк» — ударял ключом по гайке. Подняв голову, он задорно спросил подошедшего главного кондуктора:

— Ну, как, служба, — едем?

— Едем, — пробасил тот.

— Ну и большой же ты, — восхищенно выкликнул кочегар, оглянув Иванова снизу вверх, — прямо-таки Петр Великий. — И, довольный своей шуткой, паренек заливисто засмеялся.

Главный кондуктор Петр Иванов действительно был высок ростом и широк в плечах. Его спокойное лицо было всегда тщательно выбрито, серые глаза смотрели внимательно и серьезно.

— Сейчас поедем... чумазик!

Про Петра Иванова в кондукторских бригадах говорили, что он безаварийщик. И в самом деле — за много лет работы у него не было случая аварии. Поэтому Иванову, в числе других лучших железнодорожников Октябрьской, доверили сопровождать поезда по единственной фронтовой ветке, соединявшей Ленинград со страной.

Уже начало светать, когда поезд вошел в опасную зону. Вокруг лежала серая мгла. Главный кондуктор, стоя на тормозе и ежась

от ночного весеннего холода, внимательно смотрел вокруг. Поезд шел плавно, без обычного лязга буферов, без дыма и огня, и только колеса чуть-чуть постукивали на стыках рельсов.

Обидно было Иванову. Обидно за то, что нельзя по-настоящему ехать — ехать так, чтобы телеграфные столбы мелькали в глазах, чтобы дым ровной полоской стлался над всем поездом и чтобы паровозный свисток звонко пел на переездах, у семафоров, а то и просто так, пугая зазевавшихся путников, идущих по откосу.

Паровоз тяжело задышал, из трубы вырвался небольшой столб дыма... И почти сразу же раздался звук далекого выстрела. Однако, вражеский артиллерист промахнулся: снаряд просвистел над поездом и разорвался далеко за ним.

Машинист высунулся из будки и вопросительно посмотрел на главного кондуктора.

— Ехать быстрее?

Иванов отрицательно покачал головой. Быстрее ехать нельзя. Это значит выдать себя окончательно, потому что в этом случае из трубы вырвется еще больше дыма. Снаряды начали ложиться все гуще и гуще — то справа, то слева, то сзади, то впереди поезда. И вдруг один из них со страшным треском

разорвался в середине состава. Иванов увидел, как во все стороны полетели щепки и серебром замелькали разлетавшиеся банки — в вагоне были консервы. Однако поезд продолжал итти прежним ходом. Кондукторы стояли на своих местах.

Обстрел усиливался. В воздухе стояли непрерывный свист и грохот, а до конца опасной зоны было еще далеко.

Иванов едва сдерживал желание махнуть рукой и крикнуть машинисту: «Давай!» Он уже собрался сделать это, но внезапно крикнул: «Стой!» — и показал красный сигнал.

Снаряд разорвался рядом с поездом. Главный увидел, что из цистерны, шедшей в хвосте, хлынула прозрачная жидкость. То был бензин. Авиационный бензин, который так нужен летчикам Ленинградского фронта! Осколки пробили цистерну в нескольких местах и ценное горючее хлынуло из пробоин во все стороны.

Машинист резко остановил поезд. Иванов подбежал к цистерне и быстро забил мелкие отверстия деревянными пробками, которые он всегда носил в своей сумке. Но на большую, величиною с кулак, пробоину в лобовой части цистерны пробки у него не оказалось. Мгновенно приняв решение, главный просигнализировал машинисту «вперед», а сам, вспрыгнув

на раму цистерны, прижался спиной к отверстию.

Поезд двинулся дальше. Струя бензина, толкая в спину, просачивалась сквозь кожаную куртку, плескалась за воротник. Через несколько минут Иванов вымок с головы до ног. Бензин жег глаза, попадал в рот. Но Иванов упрямо стоял перед цистерной, широко раздвинув ноги и зажмурив глаза. Он уже не прислушивался к разрывам. В ушах стоял звон, стук колес казался чрезмерно громким. В голове сверлила мысль:

— Если залетит искра от паровоза — сгорю живьем.

Когда поезд прибыл в Шлиссельбург, солнце уже взошло и было совсем светло. Люди подбежали к цистерне. Иванов стоял неподвижно, свесив голову. С него струйками стекал бензин.

Принесли большую пробку и, бережно сняв полубесчувственного главного кондуктора, забили дыру. Иванов постоял несколько минут, затем открыл глаза — они были у него совсем красные, — и сказал едва слышно, устало улыбаясь одними губами:

— Не курите около меня, а то я вспыхну.

Затем он сел на скамейку и спросил:

— А много вытекло?

— Ведер десять, не больше. На такую громадину это немного, — ответили ему.

Иванов вышел из больницы через несколько дней и снова стал сопровождать поезда с грузом для Ленинграда. Все пошло попрежнему. Не было в бригаде только веселого чумазого кочегара. В ту самую поездку, когда пробило цистерну с бензином, паренек был убит осколком снаряда... И каждый раз, подходя к паровозу, главный кондуктор с грустью вспоминал «чумазика», его веселую улыбку и нехитрую самодельную песенку: «Нам не страшен Гитлер-волк...»

Глава XIII

Ответственное поручение. — У диспетчера. — Остановка в Полянах. — Гибель Иванова

Весна была в полном разгаре. Прифронтовой участок дороги работал уже третий месяц.

Когда машинист Иванов вернулся из очередной поездки, его вызвали к начальнику паровозной колонны. В кабинете он увидел военного моряка. Тот внимательно посмотрел на Сашу и спросил:

— Давно водите поезда на «Большую землю»?

— Два месяца.

— Под обстрел попадали?

— Почти каждую поездку.

— А в ваш поезд снаряды попадали? — продолжал спрашивать офицер.

— Бывало и это.

— А вы хотели бы освободиться от поездок по опасным местам?

Иванов гордо поднял голову. Он густо покраснел и уже собирался резко ответить моряку, но тот, поняв, что его вопрос оскорбил механика, поспешно сказал:

— Не сердитесь. Я вижу — начальник колонны не ошибся, рекомендуя вас, как машиниста, которому можно доверить особо ценный груз. — И моряк рассказал Иванову, что за груз будет в поезде и какие меры предосторожности при провозе его надо принять.

— Ведь я тоже бывший машинист, — дружески пожимая Саше руку, улыбнулся офицер. — Видите? — И он показал значок «Почетному железнодорожнику», украшавший его грудь.

— Сынок, милый, опять едешь? Ведь тебе отдыхать еще полагается.

— Нельзя, мать. Машинистов нехватает, а грузов много. Надо ехать.

Мать смотрела на Сашу затуманенными глазами. Вот так всю жизнь! Маленький был — со двора исчезал, что-то искал, что-то строил. Вырос — и опять дома нет. В кои-то веки раз приедет — переночует и снова уедет.

Анастасия Андреевна тяжело вздохнула.

— Понимаю, сынок. Хорошо понимаю. Кончится война — тогда вместе будем. Правда?

— Обязательно,— целуя ее, ответил Саша.— До свиданья, не скучай! Послезавтра приеду.

..Поезд готов к отправлению. Выглянув из будки, Иванов еще раз осмотрел состав. За паровозом стоял длинный ряд платформ с грузом, укрытым брезентом. Каждую платформу сопровождало несколько краснофлотцев. Все свободные от работы кондукторы, машинисты, помощники и кочегары находились на тормозных площадках. Они должны были обслуживать ручные тормоза, если на ходу обстрелом будут повреждены автоматические. Поезд нельзя было задерживать ни на минуту.

— Шабаров!

— Слушаю.

— Где 1519-й?

— Подходит к станции Дунай.

— Так. Значит скоро у нас будет. Мы его придержим и отправим в середине потока поездов. Все же лучше будет. Ночь сегодня светлая, — сказал Янчук. — Да, вот что: справься, кто ведет 1519-й.

Вернувшись, Шабаров доложил, что поезд ведет машинист Александр Иванов.

— А, Саша! Это хорошо... И еще учти, — добавил Янчук, — перед тем, как отправить его, сделаем интервал минут двадцать. Он везет серьезный груз. В случае обстрела надо дать ему возможность увеличить ход без риска догнать впереди идущий состав.

— Шлиссельбург, Шлиссельбург!! — надрывался диспетчер у селектора. — Да, Шлиссельбург же, чорт вас побери! Что вы, умерли все, что ли?!

— А ты приезжай сюда, попробуй, посиди на нашем месте, — послышался в репродукторе голос начальника отделения.

Диспетчер смутился.

— Извините, товарищ начальник. Я не знал, что это вы. Мне оператора надо.

— Нет тут никого, все в КП ушли. У нас идет «косой дождь», а ты такой трезвон поднял, что перекрыл треск на станции. Ну, что ты хотел?

— Бога ради, вернитесь в КП. Я хотел только узнать, где 1519-й.

— Где 1519-й? К несчастью, неизвестно...

Разговор прервался. В репродукторе раздались звуки разрывов. Люди, стоявшие в комнате диспетчера в Ленинграде, переглянулись.

Когда поезд перевалил через реку, Саша сказал Филиппову и Исаевой:

— Ну, ребята, ночь светлая. Ехать надо быстро и бесшумно. Если будет дымок из трубы, даже самый маленький, — смотрите у меня!

Вот уже и двадцать шестой километр — самое страшное место во всем «коридоре». Здесь, в турном вагоне, зажженном немецкими снарядами, заживо сгорела одна из лучших помощников машиниста, Таня Лысова... Эх, да что вспоминать! Сколько людей отдало здесь жизнь за Ленинград... Иванов выглянул из окна. Искалеченные, сгоревшие вагоны лежали под откосом. Кое-где виднелись разбитые паровозы. Исковерканные, превращенные в гигантские клубки спутанного ржавого железа и стали, они служили немыми свидетелями небывалого героизма ленинградских железнодорожников.

Саше запомнились исключительные по самопожертвованию и смелости поступки его учителей — машинистов Еледина и Елисеева.

Когда в поезде, который вел Еледин, осколками снарядов был поврежден автоматический тормоз, поезд остановился. Немцы усилили обстрел. Тогда машинист решил обмануть врага. Отцепив паровоз, он повел его к лесу, на ходу выпуская из трубы столбы черного дыма.

Отвлекая огонь на себя, он спасал состав...

Расчет оказался верным. Гитлеровцы начали стрелять по машине. Состав же, в котором находились боеприпасы, был спасен.

В лесу Елдин остановил машину, пешком вернулся к составу, починил тормоза, опять сбегал в лес, привел паровоз к составу и — на этот раз уже без дыма — увел поезд из-под обстрела...

А Елисеев... Перед самым паровозом тяжелый снаряд поднял в воздух тучи балласта. Остановив поезд, Елисеев увидел, что полотно впереди разворочено, шпалы вывернуты. Извиваясь зигзагами, вкривь и вкось лежали рельсы. Машинист потрогал руками оставшиеся костыли: шатаются. Как быть? Оставить состав на перегоне нельзя. И Елисеев рискнул ехать по развороченному пути. Поезд медленно двинулся, качаясь на рельсах, которые прогибались под ним до предела. Риск был оправдан: через полминуты на месте, где только что стоял состав, новый взрыв вздыбил в воздух остатки шпал, спирали рельс и тучи пыли.

Все это вспомнил Иванов, когда его поезд неслышно мчался вперед. На площадках платформ виднелись неподвижные фигуры кондукторов и краснофлотцев. Никто не курил. Кочегар и помощник переговаривались шопотом, как бы боясь, что их голоса могут услышать немцы.

Наконец, двадцать шестой километр остался позади. Скоро станция Поляны, а там и конец пути. В будке стало оживленнее. Саша отвернулся от окна и, улыбаясь, сказал Филиппову и Исаевой:

— Проехали, ребята!

В Полянах к паровозу подошел главный кондуктор Ковалев и предупредил, что придется постоять минут десять.

— Быстро ты ездишь, Саша. Догнал поезд, шедший впереди, — добавил он.

С тормозных площадок сошли кондукторы и краснофлотцы; все с наслаждением растянулись на свежей, весенней траве. Кое-где потянулся дымок папиросы. Помощник и кочегар ушли за кипятком. В будке остался один Саша. И вдруг, около паровоза раздался взрыв громадной силы. Все вскочили. Удушливые клубы дыма поползли по сторонам. В первую минуту никто даже не понял, в чем дело. Все окаменели, ожидая еще снарядов. Но их не было: видимо, это был один, случайный, шальной выстрел.

Когда прошло оцепенение, все кинулись к паровозу. Около него, широко раскинув руки, лежал главный кондуктор Ковалев. Он был мертв. В исковерканной бесчисленными оскол-

ками будке паровоза лежала фуражка машиниста Иванова. Его самого нигде не было.

Когда паровоз с развороченной будкой и изрешеченным тендером был доставлен на станцию Волховстрой, на тендере, под слоем угля, было обнаружено изуродованное осколками снаряда тело славного ленинградского машиниста Александра Иванова.

Глава XIV

Обстрел моста. — Разговор о галошах. — Случай на мосту

Между тем, жизнь на станции Шлиссельбург шла своим чередом. Каждую ночь пропускалась пачка поездов то в Ленинград, то из Ленинграда. Немцы попрежнему стреляли по поездам, по железнодорожному полотну.

На места разрушений немедленно выезжали восстановительные летучки и вместе с ними — начальник отделения Янчук. Непосредственно в его обязанности это не входило, так как он руководил только движением на участке; однако, активная горячая натура не позволяла ему пассивно сидеть на месте. Каждый раз он брал инициативу в свои руки и лично руководил восстановлением.

Особенно часто гитлеровцы обстреливали и бомбили мост, пытаясь разрушить его и тем

самым остановить движение. Когда немцы начинали стрелять по мосту, немедленно пускалась в ход дымовая завеса. Но и она не всегда выручала. Когда разрушенный тяжелыми снарядами мост выходил из строя, поезда шли через старый мост, и только в том случае, когда были повреждены оба моста, движение временно прекращалось.

В один из осенних дней 1943 года Янчук только что лег отдохнуть, как раздался звонок телефона.

— А чорт! — вздрогнув от звонка, выругался он и взял трубку.

— Мост разрушен, — прохрипел в ухо чей-то простуженный голос.

Янчук выглянул в окно вагона. Над мостом стоял сплошной дым. Дежурный по станции сообщил, что центральная часть моста разрушена полностью. Чтобы враг не пронюхал о результатах обстрела, сообщения о размерах разрушений делались на условном языке.

Потребовав прямую связь с начальником дороги Саламбековым, Янчук доложил:

— У нас падает косой дождь; ваша дочка бегала по двору и сильно порвала новые галоши — оторвала подошву. Галоши я отдал в починку, но их починят не скоро.

Особенно часто гитлеровцы обстреливали и бомбили мост.

9*

— Когда? — послышался в трубке нетерпеливый голос начальника дороги.

— Дней через шесть.

— Что-о? Это у вас не мастер, а шляпа! Прикажите ему починить за сутки! А дочка пусть пока побегает в старых галошах.

— Хорошо, — ответил Янчук.

В это время раздался второй звонок. От дежурного по станции сообщили, что поврежден и старый мост. Восстановление его займет не менее двух-трех суток.

Янчук опять вызвал начальника дороги.

— Понимаете, какая озорница ваша дочка! Не успели надеть ей старые галоши, она и их. . .

— Порвала?!

— Да. А этот чортов мастер говорит — двое суток. . .

— Безобразие! Сейчас сам приеду.

Янчук направился к станции. Кругом рвались снаряды. Итти было опасно. Пригибаясь, где ползком, где бегом, он добрался до первой стрелочной будки. Здесь, у стрелки, лежал стрелочник, старик Бочаров. Увидев Янчука, он сказал:

— Виноват, товарищ начальник.

— В чем виноват? — нагнувшись над ним, спросил начальник отделения.

— Не могу встать. . .

Оказывается, Бочаров во время обстрела не пошел в укрытие: он хотел выпустить со станции паровоз. Паровоз-то он выпустил, но был оглушен разрывом снаряда.

Янчук помог Бочарову перебраться в укрытие, а сам пошел в КП — обыкновенную землянку с одним накатом из бревен. Сооружение это спасало только от осколков, но не от прямого попадания.

Янчук решил вместе с работниками восстановительной бригады пойти до моста и точно установить размеры повреждения. Медлить было нельзя, так как каждый час задержки лишал Ленинград нескольких десятков вагонов груза.

На станцию приехал начальник дороги.

— Мы собрались на мост, — доложил Янчук.

— И я с вами.

— Но ведь там опасно!

— Везде опасно. Пошли, — приказал начальник дороги.

Наши батареи уже давно начали отвечать немцам, постепенно подавляя их огонь. Железнодорожники шли молча. Вот за поворотом показался мост, окутанный дымовой завесой. Металлическая ферма центральной части одним концом висела над водой; сложные пере-

плеты деревянных опор были порваны разрывами тяжелых снарядов.

— Шесть дней, — заявили восстановители.

— Шесть?! — с горячностью возразил начальник дороги. — Не согласен! Ленинград не ждет. Три дня. А старый мост надо починить к завтрашнему утру.

Страшный грохот прервал его слова. Толстые бревна с треском рухнули. Горько запахло дымом.

Кто-то исступленно закричал:

— А-а-а-а!!.

Янчук почувствовал, как сильным толчком его сбросило вниз. Холодная вода сомкнулась над головой. Вынырнув, он ухватился за остатки бревен и, стуча зубами от леденящего холода, вылез наверх. Вода ручьями стекала с него. Одежда прилипла к телу. Начальник дороги стоял, согнувшись у изломанных перил. Его шинель была утыкана мелкими щепками. Он тяжело поднял голову.

— Оглушило немного, — сказал он.

Когда рассеялся дым, все увидели, что конец фермы окончательно упал в воду. Кругом торчали расщепленные концы бревен. Рельсы замысловатыми спиралями свисали над рекой...

Обратно возвращались мокрые, продрогшие, окровавленные, в порванной одежде. На

руках несли убитого работника восстановительной бригады.

...Несмотря на большие разрушения, новый мост был восстановлен через двое суток, старый — отремонтировали через несколько часов.

Глава XV

Награда

Кардаш заканчивал сто сорок седьмой рейс по «коридору смерти». Утром 7 ноября 1943 года поезд прибывал в Ленинград.

На станции Шлиссельбург его встретил Янчук.

— Поздравляю тебя, Михаил Георгиевич, от всей души поздравляю, — сказал он.

Екнуло сердце у старика. «Неужто наградят?» Но расспрашивать постеснялся. Да и некогда было: состав следовал дальше.

Когда поезд остановился на сортировочной, к Кардашу подошла группа людей во главе с начальником паровозной колонны Николаем Ивановичем Кошелевым. Люди, перенесшие с Михаилом Георгиевичем все невзгоды, вместе с ним не раз смотревшие в глаза смерти, тесно окружили его, пожимали руки и горячо поздравляли.

— С чем? — с трудом выговорил смущенный Кардаш.

— С высокой правительственной наградой: присвоением звания Героя Социалистического Труда, — ответил Кошелев.

Кардаш не ожидал такой высокой чести. Первые минуты он не мог выговорить ни слова и только молча пожимал руки товарищам, глядя на них широко открытыми добрыми глазами, в которых стояли слезы. Справившись с охватившим его волнением, он просто сказал:

— Я коммунист! Моя жизнь принадлежит Родине! ..

7 ноября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 127 железнодорожникам Советского Союза за особые заслуги в обеспечении перевозок для фронта и народного хозяйства и выдающиеся достижения в восстановлении железнодорожного хозяйства в трудных условиях военного времени, было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». В числе награжденных были четыре работника Октябрьской железной дороги — начальник дороги Борис Константинович Саламбеков, главный кондуктор 48-й паровозной колонны Михаил Георгиевич Кардаш, машинист 48-й паровозной колонны Василий Михайлович Елисеев и машинист депо Москва пассажирская Василий Иванович Виноградов.

Всего за время Великой Отечественной войны правительственные награды получили пятьсот пятьдесят железнодорожников Октябрьской и среди них — орден Красной Звезды получил начальник отделения движения Александр Тимофеевич Янчук, ордена Отечественной войны 2-й степени — составитель Григорий Григорьевич Гайдучек и начальник станции Константин Терентьевич Шевченко. 21 тысяча железнодорожников Октябрьской награждены медалью «За оборону Ленинграда».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ПРОШЛО ЛИХОЕ ВРЕМЯ

Сияющий летний день. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, яркими пятнами падают на траву, покрытую тенью ветвей. Вот за поворотом показалась бескрайняя водная гладь большого озера и серебристая лента реки. Рассекая воздух могучей стальной грудью, поезд приближался к станции Петрокрепость. Машинист, облокотившись на подоконник, смотрел вперед.

— Вот отсюда, — обратился он к своему помощнику, впервые ехавшему по этой трассе,— еще недавно начинался наш страдный путь.

Помощник машиниста тоже высунулся из будки. С левой стороны, на острове, возвышавшемся посреди реки, показались стены полуразрушенной немецкими снарядами старинной крепости. Под колесами поезда глухо прошумел мост. Паровоз, выбрасывая столбы дыма, взбирался на крутой подъем, оставляя в стороне город Петрокрепость.

— Еще недавно немцы не позволили бы нам так дымить, — сказал машинист.

— А тут что такое? — спросил помощник, указывая на разбитые и полуобгорелые вагоны и паровозы, лежащие под откосом. — Как их много!

— Это двадцать шестой километр, место героической гибели многих наших товарищей.

Машинист снял шапку, помощник и кочегар последовали его примеру.

А когда поезд прибыл на станцию Волховстрой, машинист сказал своим помощникам:

— Ну вот, а здесь кончался «коридор смерти»...

Он потянул рукоятку свистка. Раздался протяжный гудок, звучавший как-то особенно победно.

27-го января 1944 года мощным ударом войск Ленинградского фронта враг был разбит и отброшен далеко от Ленинграда. Блокада была окончательно снята.

Прошло лихое время. «Коридор смерти» превратился в обычную железнодорожную ветку ленинградского узла, но память народная на долгие годы сохранит славные имена бесстрашных ленинградских железнодорожников, мужественно работавших в «Коридоре смерти». Имена эти войдут в историю обороны великого

города наравне с именами бойцов и офицеров Красной Армии, отдавших свою жизнь в борьбе с немецкими захватчиками. Вот некоторые из них: машинисты Александр Иванов, Никитин, Матушинец, Чибисов, помощники машиниста Рыженко, Буянов, Гайдуков, Комаров, Таня Лысова, главные кондукторы Румянцев, Ковалев, Козин, Кириллов, старший кондуктор Уралова, связист Гусев... Запомни их, ленинградец! Они отдали свою жизнь за Ленинград, за нашу отчизну!

1942—1944 г.

Ленинград.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть II

Обложка и рисунки худ. *М. А. Таранова*

Редактор *Е. Л. Кац*
Корректор *Е. Н. Куренкова*
Техред *Л. Г. Левоневская*

Подписано к печати 20.VII 1945 М—01550
Тираж 20000. Формат бумаги $62 \times 90^{1}/_{32}$.
Печ. л. $4^{1}/_{2}$. Колич. уч.-изд. л. 4,01. Колич.
типогр. знаков в печ. л. 39 360 Изд. № 308.
Заказ № 3516

Тип. № 1 Управления издательств и
полиграфии Исполкома Ленгорсовета

Цена 2 р.